

Андрей Плеханов
Особо опасная особь

«Автор»

2003

Плеханов А. В.

Особо опасная особь / А. В. Плеханов — «Автор», 2003

Невозможно предугадать, к чему могут привести генетические эксперименты с использованием инопланетного биологического материала. Тем более если за исследования берется одержимый маньяк-миллионер, а объектом опытов становится такая девушка, как Лина Горны, – умная, независимая и непредсказуемая. Тем более если за получившейся в результате «особо опасной особью» начинают охоту американские спецслужбы. Тем более если вместе с биологическим материалом на Землю попадает инопланетный разумный паразит, стремящийся уничтожить Лину...

© Плеханов А. В., 2003

© Автор, 2003

Содержание

ЧАСТЬ 1	5
День 1	5
День 2	15
День 5	20
День 6	23
День 12	26
День 15	28
День 32	30
День 50	33
День 51	37
День 52	49
День 54	53
ЧАСТЬ 2	56
День 1	56
День 3	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Андрей Плеханов

Особо Опасная Особь

*Автор выражает сердечную благодарность:
Ивану Александровичу Павлову – за мозговую деятельность.
Александру Шалганову – за идею.
Валерию Барабанову – за специнформацию.
Нилу Андерсону – за умноколеса и гогглы.*

ЧАСТЬ 1

Трое в лодке, не считая глиста

День 1

– Отсчет тридцать два ноль восемь, код кейкуок-омега, – равнодушно сообщил механический голос. – Скипер идентифицирован, пилот идентифицирован, пассажир идентифицирован, даю разрешение на вход, начинайте вход в автоматическом режиме в третий шлюз. Инициализация через пять секунд.

– Третий шлюз, – повторила Лина. – Передаю управление. Пеленг фиксирован.

Виктор напрягся, откинулся на спинку кресла, сжал подлокотники так, что побелели пальцы. На экран надвинулся космический булыжник размером десять на четырнадцать километров, загородил серой неровной поверхностью весь мир. Астероид был похож на слона, упавшего на колени, с отрубленным хоботом. Слон перед смертью. Шкуру его покрывали оспины и шербины.

Астероид, как и положено, имел стандартный регистрационный номер, но Виктор так и называл его: Слон. Мой Слон.

Он в первый раз видел свой астероид так близко.

Виктор не любил полеты. Время от времени дела вынуждали его передвигаться в земной атмосфере, и каждый раз это провоцировало приступ депрессии, от которой приходилось лечиться день, а то и пару дней. Депрессия – плохой спутник, если работаешь на износ.

Виктор находился в космосе в первый раз за всю свою жизнь. Пока он держался неплохо. Инъекции амитрицилина каждые шесть часов способствовали этому.

Ничего особенного. Он вовсе не невропат, психика его стабильна. Просто четверть людей плохо переносит скип-транспортировку. Он как раз из таких.

Ему повезло с пилотом. Хороший пилот способен скрасить самое гадкое путешествие. Лина – пилот экстра-класса. Столь высокий класс в таком юном возрасте – редкость. Двадцать три года, и метка «Экстра-П» на левой кисти. А еще вдобавок: изумительно правильное лицо, точеная фигурка, грация кошки. Интеллект выше среднего, отличный комплект доминантных генов. Пожалуй, последнее уже не вдобавок. Это главное. Большая ценность в мире людей, маскирующих кукольной внешностью вырождающийся набор генов.

Все правильно, все логично. У Виктора может быть только такой пилот. И только такая девочка. Без вариантов. Он всегда берет самое лучшее.

Ему нельзя делать просчетов. Потому что на карту поставлено самое главное. Поставлен он, Виктор Дельгадо.

Виктор означает «победитель». Правда, побеждать ему некого – он больше не играет по стандартным условиям. Победить себя. Доломать себя, разрушить напрочь и выстроить из обломков нечто новое.

Виктор снова ощутил дурноту и головокружение. Скипер спикировал вниз, завис, тонко вибрируя, на несколько секунд, а потом скользнул в отверстие, открывшееся в скале.

Шлюз. Никаких знаков, ориентиров на поверхности астероида – никто не должен знать, что астероид обжит. Пусть внутри он просверлен, источен шахтами во всех направлениях и нашпигован всем, что необходимо для комфортного существования, но снаружи должен выглядеть обычным серым камнем, ничем не отличающихся от прочих гор, скал и булыжников разного калибра, бессмысленно болтающихся в космосе. Именно так он и выглядит.

Мягкий толчок снизу. Скипер выпустил опоры, опустился на пол.

– Кажется, мы на месте, – улыбаясь, сказала Лина. – Мы не перепутали каменюку, Вик? Они все такие одинаковые.

Шутит. Она все время шутит. Иногда это раздражает.

Время шуток скоро кончится.

* * *

– Рад вас видеть, сэр, – сказал Тутмес. – Смею надеяться, что вам у нас понравится.

– Хозяин. Просто хозяин. Ты забыл, Тутмес?

– Да... Хозяин. Извините. Добро пожаловать на нашего Слона. Так вы, кажется, его называете?

– Так, – Виктор сухо кивнул. – Только это не твой Слон. Он мой. Запомни.

– Прошу прощения. Конечно, он ваш, хозяин.

Слон был собственностью Виктора Дельгадо. И Тутмес тоже. И Лина принадлежала Виктору, хотя еще и не осознала сего факта. Не забыла глупой штуки, которая называется свободой. Здесь, на астероиде, не было свободы – примитивной, ненужной. Здесь был Виктор. Все остальное не имело значения.

Тутмес сложил руки передо лбом, склонился с показным, карикатурным подобострастием. Виктор смотрел на него с легкой брезгливостью. Похоже, за два года, проведенных на Слоне, парень успел почувствовать себя не слугой, а кем-то большим. Придется заняться его воспитанием.

Лина стояла чуть поодаль, изумленно озиралась. Коридор квадратного сечения, серые матовые стены, светящийся потолок, рубчатый резинопластик на полу. Поодаль – ряд массивных дверей из тусклого металла. Для Земли – ничего необычного. Разве что чуть ослабленная гравитация.

– Ничего себе, – сказала Лина. – А почему пластик? И двери эти тяжеленные... Ты что, с Земли все это дело сюда кидал? И свет везде горит. И воздух нормальный. Это во сколько же тебе встало?

Ну да, конечно. Внутри астероидов так не делают. Виктор представил себе стандартный интерьер тоннеля, идущего от шлюзовой камеры: стены из астероидного субстрата, оплавленные до стекловидного состояния, тонкие титановые перегородки, переносные источники освещения. Каждая тонна полезного груза, доставленная в астероидный пояс с Земли, обходится в целое состояние. Да и кому придет в голову обживать на астероиде с комфортными условиями? Разве что миллиардеру, не знающему, куда девать деньги.

– Не важно, сколько я заплатил, – холодно сказал Виктор. – Здесь нет ничего лишнего. Ни одного лишнего килограмма. Если я считаю нужным сидеть здесь, на Слоне, в кресле ручной работы от Тициано, значит, я буду сидеть именно в нем. Это необходимо для адекватной работы. Так, Тутмес?

– Так, хозяин.

Тутмес поднял голову. Кожа цвета орехового дерева, полные, четко очерченные губы, короткий нос с широкой переносицей. Черные глаза – слишком блестящие, чересчур лукавые для безупречного слуги. Скорее негроид, нубиец, чем истинный араб. Впрочем, имя «Тутмес» не претендует на арабское происхождение. Это нечто древнеегипетское, в греческой транскрипции. Виктор уточнял, что именно, но уже забыл, выкинул из памяти за ненадобностью. Какое это имеет значение, если любой человек может взять любое имя, выкрасить кожу в любой цвет и переделать лицо в соответствии со своими прихотями.

С одним условием – у этого любого человека должно быть много денег.

Можно ли доверять Тутмесу?

Доверять нельзя никому, но будем надеяться, что Тутмес более или менее надежен. Виктор лично проверил его. Людям нельзя верить, но приборам – можно. Тутмес прошел тесты – единственный среди пяти сотен претендентов на это место. Он подошел Виктору. И он получил присадку «serve». Теперь у Тутмеса много денег на счету, весьма много. Правда, они не нужны ему здесь, на астероиде. Вряд ли они вообще ему когда-нибудь понадобятся. Тутмес добровольно отказался от личной свободы, от воли совершать собственные поступки. Отказался надолго. В контракте записано: десять лет. Тутмес еще не знает, что навсегда. Если он окажется хорошим слугой, то будет жить здесь долго, всю свою жизнь. Если плохим – будет выкинут в космос в виде субстанции, распыленной на молекулы дезинтегратором.

Тутмес уже выполнил большую часть задачи, возложенной на него. Купил астероид на свое имя, предоставил заявку на добычу редкоземельных металлов, получил лицензию, начал разработки. Официально для всех, для всего мира. И, само собой, совершил то, о чем не знал никто – пробуравил астероид десятками туннелей, создал залы и лаборатории, отделал их так, чтобы радовали глаз, начинил биотехнической аппаратурой, смонтировал гравитатор. Все это сделали пять десятков роботов, ни один человек кроме Тутмеса не приложил руку. Сколько это стоило?.. Виктор покачал головой. Дорого, очень дорого. Но секретность стоила того.

Большая часть активов корпорации «HGC» ушла на приведение Слона в рабочее состояние. Теперь, после официальной смерти Виктора Дельгадо, после гибели его в автокатастрофе, на Земле шел громкий скандал. Крупная компания, занимающаяся генными присадками, созданная лично Виктором, оказалась полностью обескровленной. Огромные долги, опустошенные счета, фиктивные технологические разработки. Вряд ли «HGC» оправится. Скорее всего, вольется после банкротства в одну из компаний-конкурентов. Пусть так и будет. Теперь это уже не важно.

В течение трех последних лет Виктор имитировал процветание корпорации, интенсивно выедавая ее тело изнутри и оставляя благополучную внешнюю оболочку. Адски трудная рутинная работа... Виктор справился. Конечно, он подставил сотни приличных людей – тех, кто с ним работал, кто служил ему преданно и ни о чем не подозревал. Их благополучие рухнуло в один день как карточный домик. Что ж поделать – у Виктора не было другого выхода. Он просто взял свое. Когда-то он создал фирму, вырастил ее, развил до высокого уровня. Теперь, когда она стала ему не нужна, свернул ее.

Деньги нужны ему для другого – гораздо большего. И это не подлежит обсуждению.

Этические дискуссии способны загнать в гроб любое, самое лучшее начинание.

* * *

Бассейн располагался в центре большой искусственной пещеры. Сталактиты, свисающие с потолка, подсвеченные изящно и мягко. Известковые натёки на стенах, сверкающие вкраплениями драгоценных камней. Чистая вода, с тихим журчанием стекающая в центральный резервуар. Конечно, профессиональный дизайнер скривился бы при виде такого, сказал бы свое

«фи», но здесь, на астероиде, не было места эстетскому снобизму архитекторов. Все сделано так, как захотел хозяин.

Виктор вспомнил, как сам рисовал проект этого зала, как связывался с Тутмесом, объяснял, что и где нужно установить. Удивленные, недоумевающие глаза слуги: «Хозяин, простите... Это будет стоить слишком дорого. Зачем двадцатиметровая высота? К чему эти сосульки с подсветкой? Это нефункционально, бессмысленно...»

Смешно. Глупо. Вот он, Виктор Дельгадо, сидит в шезлонге у своего бассейна, в самом центре своего астероида, смотрит, как переливается перламутром вода, как идет к нему девушка – улыбающаяся, тонкая, изумительная в своей наготе, капли блестят на ее коже. Тихо играет скрипка. Кто может сказать, что в этом не заключен глубочайший смысл?

Виктор привстал с шезлонга, наклонился над столиком, налил в бокал свежий, ярко-оранжевый сок. Снова откинулся на спинку, пригубил напиток, любясь тем, как Лина втирает в кожу крем.

– Здесь на самом деле можно загореть? – спросила она. – Тутмес сказал, что можно.

– Не сегодня, – сказал Виктор. – Я отключил источники ультрафиолета.

– Почему? Я хочу сейчас.

– Адаптационный период. Сейчас загар вреден. Нужно подождать несколько дней.

Ультрафиолетовое излучение может повредить нежные клетки девочки, а это нежелательно. Ее клетки важнее всего. Важнее милого личика, важнее острых грудок и упругой попки. Девочка представления не имеет, какие сокровища таит ее тело.

Лина накинула халат, провела пальчиком по краю хрустального кувшина с соком. Ее тонкие брови недовольно сдвинулись.

– Только сок? А можно вина?

– Нет, милая. Нет.

– Ну хоть чуть-чуть, пожалуйста! – Лина сверкнула глазами, лукаво прикусила нижнюю губку белыми зубами. – Вот столечко. Я же не прошу у тебя чего-нибудь крепкого, виски или бренди. Всего лишь легкого вина. И тогда будет совсем хорошо.

– Нет, Лина. Потерпи.

– Когда будет можно?

– Через три дня.

– Ужас! – Лина плюхнулась в соседнее кресло, подобрав полы халата, по-ребячьи взбрыкнула длинными ногами. – Не доживу. Мне скучно, Вик.

– Уже скучно? – Виктор улыбнулся, покачал головой. – Скучно без вина и загара? Можно подумать, что на Земле ты только и делала, что лежала в солярии и пила вино.

– Ну... Там хотя бы другие люди были. Компания. Было с кем пообщаться.

– А со мной общаться не хочешь?

– Пообщаться? – Лина быстрым движением скинула халат, скачком преодолела расстояние до Виктора и оседлала его сверху. Шезлонг под Виктором жалобно заскрипел. – Давай пообщаемся, Вик. Давай, прямо сейчас...

– Три дня, – просипел Виктор. Голова его кружилась. – Пойми, я не хочу, чтобы ты заболела. Не будь глупой девочкой, ты сама знаешь, что пока нельзя...

Лина впиалась в его губы поцелуем, перекрыв дыхание. Оторвалась через полминуты, откинула голову, потрянула чистыми белыми волосами и произнесла, отчетливо выговаривая каждое слово:

– Мерзкий. Скучный. Старикашка.

– Лина, тебя никто не заставлял. Ты сама рвалась сюда.

– Враки, враки. Ты обманул меня. Сказал, что здесь будет все, чего я захочу. А теперь говоришь, что все запрещено. Может, мне поговорить с Тутмесом? Думаю, он не откажется удовлетворить мое маленькое желание.

– Хочешь убить Тутмеса? – холодно спросил Виктор. – Не думал, что ты настолько жестока.

– Как – убить?

– Если Тутмес прикоснется к тебе хоть пальцем, я пристрелю его на месте.

– Пристрелишь? Глупости! Ты не можешь такого сделать. Это же убийство!

Лина зло фыркнула, вскочила на ноги. Виктор сел, с облегчением опустил на пол затекшие ступни. Сосуды шалют. Все-таки шестьдесят с гаком лет – не шутка, как ни маскируй их молодежавым телом и гладким лицом.

– Тутмес – не человек, – сказал он. – Это вещь. Моя вещь. Я могу сделать с ним что угодно.

– Тутмес не может быть вещью. Он человек.

– Он слуга.

– А что, слуга – не человек?

– Тутмес не просто слуга. Он серв. Он носит в генах присадку.

– Присадка серва? Да ты с ума сошел!

Схватила стакан, отхлебнула сока, синие глаза метнули стрелы гнева. Чертовски красивая юная фурия.

– Да. Именно та присадка, название которой ты произнесла.

– Это же преступление второй степени! Ты охренел, Вик! А мне? Мне ничего не вприснул?

Конечно, нет, девочка. Твои гены девственно чисты, не испорчены плебейскими модификациями. Иначе бы тебя здесь не было.

– Успокойся, – Виктор примирительно помахал ладонью. – Тутмес согласился стать сервом добровольно. Он получил за это большие деньги. Очень большие.

– Зачем ему деньги, если теперь он твой раб?

– Не передергивай. Когда контракт Тутмеса закончится, он вернется на Землю и будет жить как ему заблагорассудится. Он принял решение, что стоит побыть рабом несколько лет, чтобы заработать на безбедную жизнь до конца дней. Согласись, в этом есть определенная логика...

– Логика? Но ведь он останется твоим рабом навсегда! Ты можешь найти его там, на Земле, в любой момент. Можешь приказать ему что угодно – отдать все эти деньги обратно, лизать твои ботинки, или убить кого-нибудь... И он выполнит твои желания, не сможет им сопротивляться.

– Я не буду делать этого, – улыбнулся Виктор. – Просто не буду. У меня есть понятия о приличиях.

– Ты преступник, – заявила Лина. – Если бы я знала, что ты сделал человека сервом, ни за что бы сюда не приехала. Вообще бы с тобой не связалась. Получается, что я теперь соучастница преступления. На кой черт мне это нужно? Во что ты меня втянул?

– Я ученый, – заявил Виктор. – Прежде всего я ученый, и для меня безразлична вся внешняя шелуха – деньги, социальное положение, соблюдение или несоблюдение законов. Я нарушаю законы по мере необходимости. Смею заметить, стараюсь нарушать так, чтобы ни одна полицейская крыса об этом не узнала. Когда-то было запрещено клонирование, потом смена внешности, еще позже – лечебные геноприсадки, использование инопланетного биоматериала. Все это давно разрешено – пожалуйста, люди, пользуйтесь. То же, вероятно, скоро и будет с генными психомодуляторами, такими, как «serve», «bird» и «leader» – почему бы и нет? Время покажет. У меня нет времени ждать. Я не тот, кто ждет. Я из тех, кто делает все это собственными руками. Из тех, кто двигает человечество вперед.

– Ты удрал сюда именно для этого? Сбежал от человечества, чтобы двигать его вперед?

– Именно так. Пойдем. Я покажу тебе чудо. Увидишь его и поймешь многое.

* * *

Тутмес выступал в качестве радушного гида. Шел впереди, набирал коды на цифровых панелях, двери открывались одна за другой. Виктор видел все это в первый раз собственными глазами, хотя давно уже изучил каждый метр внутреннего пространства астероида по схемам. Душа Виктора ликовала. Боже, как давно он мечтал именно о таких лабораториях, такой аппаратуре, таких объектах исследования. На Земле нечего было и думать о подобном. Узнай чиновники из НГИ¹ о том, что в пределах одной лаборатории собрано больше трех биообразцов первой категории доступа... Что бы сделали эти зануды? Полопались бы от злости, вот что. Учредили бы пять, нет, десять комиссий для ежесуточного наблюдения над экспериментами, стояли бы над плечом денно и ночно, дышали бы в ухо, следя с маниакальной бдительностью, не производится ли новое трансгенное оружие, запрещенный модулятор или еще что-нибудь в этом роде. Идиоты. Виктор облапошил их всех. Здесь, на Слопе, живут двадцать три организма первой категории допуска, и... держитесь, чинуши... пятнадцать образцов нулевой категории. Да-да, тех самых, которые не положены никому. Никому, кроме секретных ученых в подземном городе штата Юта.

– Это и есть инопланетяне? – спросила Лина, склонившись к инкубатору. За толстым стеклом, в сизоватом тумане, шевелился живой веер, раскрашенный алыми и фиолетовыми полосами.

– Насколько я понимаю, термин «инопланетянин» означает разумное существо, – ответил Виктор. – Ты знаешь, что разумных на Стансе пока не обнаружили. Думаю, что и не обнаружат. Все, что здесь собрано – образцы флоры и фауны. С планеты Станс, само собой.

– Я вроде слышала, что обнаружили еще одну планету, на которой есть жизнь.

– Ложь, – презрительно сказал Виктор. – Беспардонное бульварное вранье. Жизнь найдена только на Стансе. Но и этого вполне достаточно, уверяю тебя, милая. Жизнь там такая живучая, что наша, земная, в подметки ей не годится. Только третьей экспедиции удалось привезти на Землю биообразцы. Два предыдущих экипажа были сожраны этими самыми образцами.

– Вот как... – Лина обвела взглядом ряды инкубаторов. – А с виду все такие симпатичные, красивенькие. А кто самый опасный? Этот вот? – Она показала на паукообразную тварь сантиметров тридцати длиной. Паук сидел между камнями и мрачно посверкивал красными глазками, толстое брюхо его вздувалось и опадало. – Он что, человека загрызть может?

– Речь не о том, может или не может загрызть. Они опасны по-своему. Все формы жизни со Станса биоинвазивны.

– Био... чего? – переспросила Лина. – Я такого слова не знаю. Проще как-нибудь можешь объяснить?

– Стансовские живые существа удивительно схожи с земными. Они построены из белков, дышат кислородом, нуклеиновые кислоты служат у них носителями генетической информации. Но когда любой организм со Станса вступает во взаимодействие с земным, он инвазирует его и превращает в себе подобное.

– Ну ты и зануда! – Лина сердито топнула ногой. – Я же попросила тебя изъясняться на нормальном языке. Трудно тебе, что ли?

– Я сдаюсь, – Виктор страдальчески воздел руки к потолку. – Попробуй ты, Тутмес. У тебя должно получиться.

– С удовольствием, хозяин, – Тутмес сверкнул улыбкой. – Лина, вы представляете, как действует вирус?

¹ National Genetic Inspection – Национальная генетическая инспекция (здесь и дальше – примечания автора).

– Приблизительно. Значит, так: он летает в воздухе, им заражаешься, начинаешь чихать, кашлять, и все такое. Валяешься в кровати, температуришь и кучами лопаешь лекарства.

– Замечательно! – Тутмес хлопнул в ладоши. – Bravo, Лина, вы умница. Инвазия – это и есть заражение. Вирус – этакая микроскопическая штуковина, набор простеньких генов плюс несколько молекул белка. Сам по себе он размножаться не может. Он проникает в ваши клетки, пристраивается к вашей ДНК и заставляет ее штамповать подобных себе – миллионы, миллиарды вирусов. Естественно, такая нагрузка не проходит даром для вашего организма – вы заболеваете. Но ваш организм сопротивляется – распознает в вирусе врага, производит антитела – специальные белки, чтобы обезвредить вирус, и пускает их в дело. Через некоторое время вы выздоравливаете.

– И что, – Лина обвела вокруг рукой, – все эти зверушки тоже вроде как вирусы? Только большие?

– Нет, вовсе не так. Когда они живут на своей планете, ничего необычного не происходит – трава растет и радуется местному солнышку, растительоядные зверушки мирно кушают травку, плотоядные лопают растительоядных и всех прочих, кого удастся поймать. Никакой инвазии. Но стоит земному существу хоть на миг прикоснуться к любому из организмов Станса, тут же происходит нечто ужасное. Клетки стансовских тварей распадаются, их хромосомы превращаются в некое подобие вируса и проникают в ядра клеток земного организма. И начинают лепить из этого строительного материала свои собственные клетки.

– Бр-р, – Лина передернула плечами. – Значит, из человека быстро получается такой же паук, только огромный?

– Нет, госпожа, – Тутмес развел руками. – Ничего из этого не получается. Человек превращается в большую кучу переделанной ткани, аморфную и не имеющую внутренних органов. Человек умирает в течение нескольких минут и спасти его нельзя.

– Так какой смысл инопланетным тварям это... ну, захватывать нас?

– Никакого. Это не биологическая агрессия, даже не процесс питания. Всего лишь случайная реакция. Организмы с Станса и Земли не предназначены для совместного существования. Для нас жизнь со Станса – разновидность невероятно заразной и смертельной болезни.

– Ага-ага! – Лина уперла руки в боки, покачала головой. – Все понятно! Жуткая зараза! Два заживо сожранных экипажа. Опасность для всего человечества. И все равно всякую дрянь везут со Станса тоннами, выкидывают на это бешеные деньги, вместо того, чтобы потратить их на что-то путное...

Виктор устало вздохнул. Господи, сколько это будет продолжаться? Почему она упорно корчит из себя дурачку? Приличное образование, хорошая наследственность, высокий IQ. И вот объясняй ей то, что знает первокурсник любого университета. Может быть, она шпионка? Заслана сюда специально, чтоб выведать его, Виктора, секреты?

Пусть даже шпионка. Все равно с астероида не удерет. Будем считать, что все в порядке вещей: красивым женщинам нравится выглядеть глупыми. Они инстинктивно понимают, что красота и ум в одном флаконе – опасное, пугающее сочетание. Маскируются они, видите ли, таким примитивным образом.

– При помощи этой дряни за последние двадцать лет на Земле излечили большую часть болезней, – сказал Виктор. – Открытие и выделение в чистом виде всего лишь двух стансовских плазмид и пяти ДНК-лигаз и полимераз позволило создать все используемые ныне лечебные геноприсадки.

– Опять ты дурацкие слова говоришь!

– Хорошо, объясню, – терпеливо сказал Виктор. – Плазмиды – кольцевые молекулы, которые разносят чужие гены по захваченному организму. Лигаза – ферменты, зашивающие разрывы в цепях двуцепочечной ДНК. И то и другое можно эффективно использовать. Берем полезный человеческий ген – к примеру, отвечающий за рост волос на голове. Конструируем

вирусоподобный конгломерат: этот самый ген в виде плазмиды плюс набор нужных белков. Изготавливаем нужное количество присадки. Вводим ее в человеческий организм. Пять дней человек чувствует себя отвратительно – температура под сорок, озноб, бред, мышечные боли. Все как при вирусных инфекциях. Так как пациент платит немалые деньги за удовольствие перестать быть лысым, мы не можем себе позволить, чтобы он сильно мучился. Все пять дней мы держим его в состоянии искусственного сна. Потом он просыпается – вполне здоровый, только с зудом на лысине. С этим уже ничего не поделаешь – начинают интенсивно регенерироваться волосяные луковицы. Пока наш пациент спал, в каждую клетку его тела встроился ген, отменяющий лысину. Отменяющий навсегда. Через неделю лысина покрыта жесткой, мужественной щетиной. Через год пациент похож на Робинзона Крузо – если у него, конечно, нет желания регулярно подстригать свое новоприобретение. Через два года, как правило, комплекс исчезает, и человек забывает, что когда-то был лысым как коленка...

– Я все поняла, – перебила его Лина. – Я раскусила твои эпохальные планы, Вик. Ты изговоришь здесь, на астероиде, сто тысяч тонн геноприсадки, зарядишь ее в ракеты и бомбардируешь нашу несчастную планетку, издыхающую от полысения. Плазмиды и лигазы прольются благодатным дождем на головы стражущих, и возрастут на бесплодных черепах локоны, и благословят тебя миллионы осчастливленных, и назовут избавителем своим, посланным от Бога. Ты ведь это хочешь сделать для человечества, Виктор Дельгадо, великий и славный в веках?

– Кончай дурачиться, – скривился Виктор. – От твоих шуток у меня уже изжога.

– Тогда что же ты собираешься делать со всем этим стансовским зоопарком?

Ага. Прорезался-таки шпионский интерес.

– Завтра расскажу, – сказал Виктор.

– А почему не сейчас? Я сгораю от любопытства.

– Хочу посмотреть трансляцию пражского симфонического оркестра, – Виктор нетерпеливо глянул на часы. – «Прощальная симфония» Гайдна. Она начнется через семь минут.

– Запиши ее, посмотришь позже. Какая разница?

– Я предпочитаю музыку в прямой трансляции, – Виктор улыбнулся, постарался вложить в мимику максимум тепла, но получилось как всегда холодно. – Не хочешь составить мне компанию, Лина?

– Нет. Терпеть не могу визгливые альты и виолончели. Совсем без электроники, без вокала, без драйва – это не музыка. Вгоняет в тоску.

– А ты, Тутмес? Послушаешь со мной?

– Конечно, хозяин. Как прикажете. Всегда счастлив...

Вежливый поклон, сжатые ладони, пальцы дотрагиваются до гладкого, выпуклого лба.

Нет уж, не надо нам вынужденного согласия. В шестьдесят с лишним лет одиночество – не худшая форма времяпрепровождения, особенно если оно обставлено неброским комфортом и сопровождается хорошей музыкой.

Виктор вспомнил свой недавний ужин с Матвеем Микулашем, дирижером пражского симфонического. И улыбнулся – на этот раз тепло, искренне.

Микулаш – один из тех людей, которых он с удовольствием взял бы с собой в будущее. Увы, Микулаш не подходит по целым четырем параметрам (если говорить честно – по шести). В семьдесят-семьдесят пять он умрет от инфаркта, и никакие присадки его не спасут. Неисправимый мультигенный дефект метаболизма, холестерин осаждается на стенках сосудов не то что бляшками – хлопьями, как сырой снег. Что ж, найдутся другие Микулаши, не хуже. Стоит обратить внимание на Слободана Човича – дирижера из Загреба... Славяне умеют делать качественную музыку. Музыка, радующую душу.

– Пойду я, пожалуй, – сказал Виктор. – Посмотрю концерт в одиночестве, по-стариковски. А ты, Тутмес, покажи Лине экспонаты. Есть тут что показать. И расскажи ей все, что она попросит. А потом проводишь юную госпожу в ее комнату.

– Спасибо, Вик, – сказала Лина. – Иди, милый. Привет пражскому сифоническому. Искреннее облегчение прорвалось в ее голосе. Виктор скрипнул зубами и вышел. Завтра. Завтра все встанет на свои места..

* * *

– Тут, – тихо произнесла девушка. – Можно, я буду звать тебя просто Тут? Тутмес – это слишком длинно.

– Ни в коем случае, – сказал Тутмес, упрямо качая головой. – Простите, госпожа, «Тут» – не моё имя. Когда-то меня звали Асэб. Потом, когда я вынужден был пробавляться заработком феодала, меня обратили в ислам и прозвали Мохаммедом. Это все в прошлом... Далекое прошлое. Не хочу вспоминать об этом. Я взял себе старое имя, госпожа Лина. Очень старое. Тутмес – имя скульптора, жившего три с половиной тысячи лет назад. Я верю, что оно спасет меня. Должен верить, что меня хоть что-то спасет.

– Ты родом из Египта?

– Я родился в Эфиопии, госпожа.

– Эфиопия – не самая богатая страна. Однако по твоей речи чувствуется хорошее образование. Ты биотехник?

– Биотехник. И экзогеолог. И программист. Всё, что вам угодно, юная госпожа. В меня втиснули столько программ, что хватило бы целому курсу выпускников университета. Я выдержал всё, госпожа. Мой мозг выдержал, не сгорел. Ни малейших признаков паранойи. Проверено, сертифицировано. Иначе бы я не был здесь.

Лина протянула руку, дотронулась пальцами до молочного-шоколадного щеки Тутмеса. Ощутила пробивающуюся щетину – волоски, сбритые утром и начинающие отрастать к вечеру.

– Это твое истинное лицо, Тутмес?

– Моё. Я много раз менял лица, но когда всё плохое кончилось, восстановил свой истинный облик. Надеюсь, что проживу с ним до самой смерти.

– У тебя есть принципы, Тутмес?

– Есть. Я живу только принципами, только ради них, милая госпожа Лина.

– Тогда почему ты позволил сделать себя рабом, сервом? Ради денег? Куда ты засунул свои принципы? Глубоко в задницу?

– Я не раб, юная госпожа. Не раб.

– Ты – серв! Ты позволил, чтобы тебе вкатили в кровь гнусную присадку. Ты не можешь сопротивляться желаниям человека, на которого ты запрограммирован...

Тутмес поднял лицо, опущенное доселе к полу, блеснул глазами яростно, чересчур ярко для серва, приложил к полным губам коричневый палец.

– Не говорите таких слов, госпожа. Если хотите жить – не говорите. Будьте умнее. Выглядеть глупой не так сложно. Быть умнее чем кажешься – лишь вторая ступень из двух десятков возможных. Быть действительно умным – неплохо, проживешь на пару дней больше. Если чувство опережает разум – у вас в запасе неделя. Если действие опережает и чувство, и разум – будете жить долго, до самой своей смерти.

– Думаешь, у меня так мало шансов? – криво усмехнувшись, спросила Лина.

– У вас нет шансов, юная госпожа. Вы умрете. Завтра, или через несколько суток. Вас привезли сюда для этого.

– Веселый прогноз... – девушка вдруг успокоилась, лицо ее разгладилось. – Увидим, странный раб Тутмес. Скоро увидим все своими глазами. А сейчас расскажи об этих забавных зверушках. Мне они нравятся...

* * *

Виктор сидел в кресле, откинув голову, полуприкрыв глаза. Голографическая проекция пражского оркестра располагалась в центре зала, творила волшебство. Виктор водил пальцем в воздухе, повторяя движения палочки бесподобного Микулаша. Он купался в волнах звука, он тонул и растворялся в них, он блаженствовал.

Комп на столе противно запищал, внося диссонанс в симфонию. Виктор нервно дернул щекой, схватил пластину-монитор.

– Ну что, что еще такое? – крикнул он. – Что стряслось?

На экране появилась Лина. Она стояла на кровати в своей комнате и простукивала стену под самым потолком – там, где шел ряд декоративных панелей, скрывающих вентиляционные ходы. Потом удовлетворенно кивнула головой, тряхнула кистью, из указательного пальца высунулась длинная никелированная отвертка. Девушка вставила ее в отверстие панели и начала отвинчивать шуруп.

– Шустрая девочка, – Виктор покачал головой. – Шустрее даже, чем я думал.

– Что делать, хозяин? – вежливо осведомился голос Тутмеса.

– Ничего. Не мешай ей. Хорошо, что она нашла себе хоть какое-то занятие. Пусть побалуется.

Виктор бросил комп на стол, откинулся на спину и снова взмахнул воображаемой палочкой.

День 2

Виктор шел по лаборатории энергичным шагом, заложив руки за спину, бормотал что-то под нос. Потом резко остановился и семенящий сзади Тутмес едва не налетел на него.

– Лина еще спит? – спросил Виктор.

– Да, хозяин.

– Во сколько легла?

– В два после полуночи, хозяин.

– И все это время ковырялась в стенах?

– Да, хозяин. Сняла все панели, потом повесила их обратно.

– Нашла что-нибудь?

– Две камеры из пяти.

– И что?

– Раздавила их ногой. Очень сильно ругалась при этом. Неприлично ругалась.

– Это нормально. Я бы тоже ругался.

– Похоже, она неплохой техник. В ее правую руку вживлен полный набор инструментов.

– Видел... Как раз в этом ничего необычного – не забывай, что она пилот. Надеюсь, оружия с собой не притащила?..

– Такое невозможно, хозяин. Сканер засек бы это еще на входе.

– Паутинку не нашла?

– Нет, хозяин, нет. Паутинка хорошо спрятана.

– Ладно, пусть спит. Пусть выспится – сегодня она нужна мне свежей. Показал ей наш зоопарк?

– Да, хозяин. Госпоже очень понравилось.

– Теперь покажи мне.

– Хозяин, вы знаете здесь все гораздо лучше меня... Может быть, не стоит тратить время на осмотр?..

– Это что, попытка невыполнения приказа? – Виктор удивленно поднял брови. – Когда меня заинтересует твое мнение, я дам тебе знать.

– Да, конечно. Простите, хозяин, – Тутмес суетливо отвесил поясной поклон. – Пойдемте, хозяин.

– Начнем со зверюг первой категории допуска. Где они у нас?

– В третьем и восьмом блоках.

– В каком состоянии?

– О, они в полном порядке! – Тутмес расцвел в улыбке. – Настоящие красавцы, да! На них можно смотреть часами, глаз не оторвать! Пойдемте, хозяин.

* * *

– Пальцеглаз равнинный... – Виктор стоял, сложив руки на груди и любовался тварью, прикипшей к стеклу с другой стороны. – Красавец, ничего не скажешь. Обошелся мне в тридцать восемь миллионов. Думаю, он того стоит.

Красавец был похож телом на помесь кенгуру и динозавра-теропода, в два метра ростом, с блестящей пятнистой шкурой, мощными нижними конечностями и маленькими верхними – трехпальными, с жуткими крючковатыми когтями. Морда его напоминала крабью – фасеточные глаза на тонких стебельках, два ряда непрерывно движущихся жвал. Пальцеглаз жевал, из челюстей его свешивались кровавые ошметки.

Виктор подошел вплотную к террариуму и хищник тут же среагировал – разинул пасть, бросился вперед и вцепился в толстое стекло. Глухой удар отозвался вибрацией пола. Виктор инстинктивно отпрыгнул, оглянувшись на Тутмеса, устыдившись собственного страха.

– Да, попадешь такому на зубок, и никакой инвазии не понадобится, – смущенно сказал он. – Сожрет, зверюга.

– Не волнуйтесь, хозяин. Это стекло даже граната не прошибет.

– Знаешь, зачем мне нужен пальцеглаз? – спросил Виктор.

– Для того же, что и остальные ксенобионты. Источник полезных генных утилит.

– А конкретнее?

– Извините, хозяин, откуда я могу это знать?

– Врешь. Ты много лет крутишься среди биотехников. Наверняка слышал о проекте «Форслайф».

– Извините, хозяин. В первый раз слышу о таком. Что это?

– Это военные разработки, базирующиеся на ксенобиологии. Уже двадцать лет специалисты, собранные со всех Соединенных Штатов, корпят в подземном городе в штате Юта – разбирают на составные части хромосомы стансовских зверюг, вырезают из них нужные участки и имплантируют в хромосомы людей. Конечная цель банальна – создать солдат, прыгающих на два десятка метров, дышащих под водой, бегающих со скоростью сто километров в час. Любой ученый, попавший в этот чертов город, может забыть о большом мире – он будет иметь все, что пожелает, но выход за пределы города запрещен ему до самой смерти.

– Почему вы говорите об этом, хозяин? Почему выдаете столь великие секреты?

– Ты должен знать. С завтрашнего дня мы начнем свою собственную работу и скрывать что-либо от тебя больше нет смысла. Ребята из «Форслайфа» трудились годы, а теперь их результаты лежат в моем кармане. – В голосе Виктора прозвучала нескрываемое тщеславие. – Не буду говорить, сколько я за это заплатил. Такая информация дороже любых денег.

– Зачем они это делают, хозяин? – спросил Тутмес. – Какой смысл создавать идеальных солдат? С кем они будут воевать? С арабами? С русскими? Арабы слишком слабы, чтобы направлять против них сверхубийц, а в борьбе с русскими никакие мутанты не помогут.

– Это инерция человеческой тупости. Желание использовать любую технологию прежде всего для создания нового оружия, и только уже потом, если не пригодилось, разрешить ее мирное применение. Проблема в том, что наши военные засиделись. Их генные разработки уже давно должны быть доступны человечеству, а они и не думают делиться. И вряд ли в ближайшие тридцать лет поделятся с кем-то. Им и так хорошо в своем сверхкомфортном подполье. Это не устраивает меня, Тутмес. Боюсь, что через тридцать лет я буду уже полной развалиной. Есть у меня такое подозрение.

– Они действительно создали идеальных убийц?

– Создали. Разработана технология. И я получил ее в чистом виде. Если бы не получил, не стоило б затевать все это. Ты знаешь, Тутмес, что я не профан в прикладной генетике. Но чтобы осуществить то, что мне нужно, понадобилась бы многолетняя работа сотен специалистов. Теперь я смогу сделать это в короткие сроки. Потому что у меня есть методика. Я пушу ее в ход не для того, чтобы создать выродка-убийцу. Я направлю ее на благое дело. Ты знаешь, какое.

– Знаю, хозяин.

– Я создам идеального человека. Переделаю человека, вылеплю из него то, чего не смогли вылепить ни Господь Бог, ни миллионы лет эволюции. Дам человеку то, о чем он мечтал. Этот человек положит начало новой популяции. Популяции людей, живущих сотни лет, не болеющих ничем, не склонных к порокам и ипохондрии, сильных, красивых и здоровых. Людей будущего, отличающихся от обычных людей настолько же, насколько человек разумный отличается от питекантропа.

– И этим человеком будет Лина? – спросил Тутмес, вежливо склонив голову.

– Этим человеком буду я, – сказал Виктор. – Я заслужил этого больше, чем кто-либо другой. А Лина... Она послужит материалом для отработки методики. Ее шансы выжить при этом не слишком велики. Ничего не поделаешь. Ничто не дается просто.

– А если она умрет, а вы все еще не достигнете цели?

– Тогда я слетаю на Землю и привезу другую девочку. Или мальчика. В моей памяти лежит список из сотни кандидатур – все они подходят по основным параметрам, все готовы пойти за мной хоть к черту на рога, лишь бы я заплатил. Хай-стэнды и мормоны, американцы и дети Европы. Я привезу сюда столько людей, сколько мне понадобится.

– Хозяин... – Тутмес поднял лицо, в глазах его застыли слезы. – Не убивайте девочку Лину. Она умрет, да. Нельзя так делать. Возьмите меня вместо нее. Возьмите. Мне даже не нужны деньги. Сделайте с моим телом все, что хотите. Но пусть девочка Лина живет.

– Твой геном напрочь испорчен, – надменно произнес Виктор. – Ты три раза менял лицо, в каждую из твоих хромосом вшит кластер иммунотолерантности – дешевый, марджевского производства. Когда ты был федаином и охотился на неверных, ты присадил туда же кластер скорости, не думая о том, что это навеки сделало тебя бесплодным – такое вот побочное действие. У тебя не будет детей – на черта ты нужен после этого? И, самое главное – ты серв, Тутмес. Твои гены грязны, как помойка – чего там только нет. К тому же мне нужен толковый помощник. А ты весьма толков, Тутмес.

– Девочка Лина, – снова сказал Тутмес. – Она такая юная, красивая, славная. Она ни в чем не виновата, хозяин. Она не должна умереть. Отпустите ее, хозяин, пожалуйста...

– Ты говоришь глупости, серв, – бросил Виктор. – Я начинаю сомневаться в твоих умственных способностях.

* * *

Лина ждала чего-то подобного. Ждала любой хорошо просчитанной подлости, поэтому всю ночь не смыкала глаз. И все же под утро провалилась в мертвый, бесчувственный сон.

– Спит, – констатировал Виктор, глядя в монитор. – На боку лежит, не очень удачно, лучше б на спине... Впрочем, пойдет. Начали.

Он щелкнул по клавише ввода, из потолка над Линой выпросталась тонкая сеть и намертво приклеила девушку к койке.

– Пошли, Тутмес.

– Она не вырвется, хозяин? – спросил серв.

Лина корчилась на экране, рот ее безмолвно открывался – звук был предусмотрительно отключен.

– Нет. – Виктор ослабился. – Паутинка – весьма прочная штука. Пойдем, успокоим ее.

Два десятка шагов по коридору – комната Лины – кубатура, плотно заполненная визгом, воплями, проклятиями. Виктор пожалел, что не взял скотч, дабы заклеить девчонке рот.

– Замолчи, Лина, – сказал он, пытаясь сохранять спокойствие. – Мы не сделаем тебе ничего плохого. Заткнись, ради Бога.

– Ничего плохого?! – взвизгнула Лина. – Скотина, урод! «Серва» мне сейчас вкатишь, да? Сволочь!

– Нет, нет, – Виктор покачал никелированным инъектором перед ее носом. Нельзя тебе «Серв». Никаких психомодуляторов. Ничего генного. Только чуть-чуть успокоительного. Нервы нужно беречь, милая.

Он приставил инъектор к шее девушки и нажал кнопку. Лина дернулась и затихла.

– Срежь паутинку, Тутмес, – сказал Виктор. – И доставь Лину в третью лабораторию. Через час начнем работу.

* * *

Лиана лежала на хирургическом столе – обнаженная, до пояса укрытая простыней. Лицо ее скрывалось под серой пластиковой маской, к вене шла прозрачная трубка от капельницы. Гармошка искусственной вентиляции легких ритмично совершала движения вверх-вниз и грудь Лианы двигалась в такт ей. Конечно, легче было воспользоваться безыгольным инъектором, но иногда лучше вот так, по старинке, внутривенно и с полным наркозом. Сейчас – особый случай. Нужно сделать все особенно тщательно.

– Хорошее тело, – сказал Виктор. – Завидую девочке от всей души, белой завистью. Двадцать три года – и никакой дряни, чистые гены, гладкие клапаны сердца, здоровая печень, сбалансированная работа ферментов. К тому же она никогда не употребляла стимуляторов, не говоря уж о наркотиках. Это невероятная редкость.

– А вы их употребляли? – спросил Тутмес.

– А ты как думаешь?

– Думаю, да.

– Само собой... Все мы подсели на химию, разрушающую мозги. Человечество отравлено. Думаю, что современный вид человека уже не вылечится от этой болезни. Более того – вымрет от нее в ближайшее время, в течение сотни лет. Создание нового биологического вида – не прихоть, это уже необходимость, единственное лекарство, избавляющее от смерти если не вида, то хотя бы рода.

– Это нарушение естественного течения эволюции.

– За время существования жизни на Земле вымерли миллионы видов животных – сгинули в небытие, не оставив после себя ничего, кроме окаменелостей. Сейчас пришла наша очередь. Это очевидно для всякого, кто умеет работать мозгами, но никто не хочет осознавать серьезность факта – каждому понятно, что свою жизнь он дотянет в комфорте, а дальше – хоть потоп. Хомо сапиенс остановил свою эволюцию, когда усовершенствовал до предела медицину, позволив выжить и благоденствовать любому заведомо нежизнеспособному уродцу. Мы выкинули естественный отбор в мусорную корзину – легко, непринужденно, и каждый, кто пробует заикаться о последствиях, автоматически обвиняется во всех смертных грехах. Но генетический груз – не шутка. Он накапливается, если его не разгрести.

– Что значит «разгрести», хозяин?

– Ты прекрасно знаешь, Тутмес.

– Убивать.

– Да, да. Убивать всех, кто не соответствует генетическим стандартам. Спартанцы выкидывали своих убожков в море безо всякой жалости, никто не заикался о правах и свободах – и ничего, жили хорошо, были красивыми и здоровыми. Мы плюнули на законы природы, и в ответ она плюнула в нас. Мутации возникают непрерывно, спонтанно, это элементарный биологический закон. В первой половине двадцатого века с этим еще справлялись – даже добились успехов, когда было введено обязательное кариотипирование² всех беременных. Ты помнишь, к чему это привело.

– Помню, хозяин.

– Вначале пришлось принудительно прерывать каждую четвертую беременность. Потом – каждую третью. Бабы цивилизованной части планеты завопили и зарыдали, побежали по судам. Два года юридических войн... Цивилизованность победила. Кариотипирование было объявлено преступлением второй степени. Острословы-юристы порезвились в свое удоволь-

² Кариотипирование – определение совокупности морфологических признаков хромосом (размер, форма, детали строения, число и т. д.).

ствие, разжирили на миллиардах, вложенных в дело о генетическом контроле. Но, поверь мне Тутмес, именно они поставили большой черный крест на человеке разумном как на биологическом виде. Там, где исчезает хотя бы малейший отбор, начинается деградация. Генетический груз уже добрался до критической массы. Сейчас две трети приличных людей – носители ублюдочных генов, причем доминантных. Процесс развивается, Тутмес. Всего три поколения спустя здоровый человек станет реликтом. Для того, чтобы найти Лину и сотню ей подобных, я потратил два года.

– Почему вы не искали в Азии и в Африке, хозяин? Процент чистых генов там гораздо выше...

– А ты не знаешь почему? – рявкнул Виктор.

– Извините, хозяин! – Тутмес скукожился, посерел от страха, сложился в поклоне. – Простите, ради Бога!

– Потому что чертовы ниггеры и азиаты вымрут позже приличных людей! Только не говори, что я расист!

– Нет-нет, что вы, такое мне и в голову придти не может...

– Белая раса сделала больше всех для этой долбаной планеты, а вымрет первой из-за своего сибаритства и чистоплюйства. Это что, нормально по-твоему?

– Нет, нет.

– Это ты – расист, – Виктор ткнул пальцем в согбенного Тутмеса. – Все вы, цветные, ждете, пока мы окочуримся, лелеете надежду поплясать на наших косточках, получить в наследство то, что мы создали сотнями лет труда. Только ничего у вас не выйдет. Знаешь почему? Потому что ниггеры и китаёзы тоже вымрут, только, может быть, лет на пятьдесят попозже. Пружина заведена, процесс запущен. Понял, да?

– Понял...

– Ладно... – Виктор махнул рукой, остывая как чайник, выпустивший пар. – Довольно болтать. Начнем работу. Сегодня я введу Лине присадку генотолерантности. Присадку высшего качества – в пару тысяч раз дороже того дерьма, что торчит в твоих хромосомах. Присадку, изготовленную на материале Амеадоры красной со Станса. Три дня уйдет на адаптацию. И это будет нашим первым, малейшим шагом. Надеюсь, он не закончится пшиком. Шагать нам еще ох как долго...

День 5

Лиана сидела в кресле и глядела на Тутмеса. Тень уходящей боли замутняла ее взгляд, тянула вниз уголки губ. Лиана гладила длинными пальцами кожу подлокотников, пытаясь убедить себя в их реальности.

– Почему я здесь? – шепнула она тихо, едва слышно. – Я вернулась на Землю. Я гуляла по парку, летала в небе, плавала в океане. Пила вино с друзьями. Легкое белое вино... Выкинула из головы мысли о Викторе и его мертвом Слоне. Почему я снова здесь?

– Вы все время были здесь, госпожа, – сказал Тутмес. – Все три дня. Это был сон, юная госпожа. Сон, не более того.

– Сны не бывают такими... настоящими.

– Бывают. Искусственный сон. Он сродни наркотическим грезам, он ярче, чем сама жизнь.

– Значит, Вик все-таки вкатил мне какую-то присадку?

– Да, госпожа.

– Я убью его, – голос девушки стал громче, обрел яростный оттенок. – Убью!

– Вы когда-нибудь убивали, госпожа?

– Нет...

– Тогда не убьете и сейчас. Это страшный грех – убивать. Он оставляет огромные дыры в душе, их не залатать ничем.

– А ты убивал?

– Да, госпожа. – Лицо Тутмеса исказилось, постарело вдруг на десяток лет. – Не будем об этом...

– Что будет дальше?

– Дальше? – Тутмес покачал головой. – Никто не знает, что будет дальше. Многие думают, что знают свое будущее, но это лишь обман. Иллюзии людей – сильных и слабых.

– А ты какой – сильный или слабый?

– Я слаб, госпожа. Я ничтожен. И хозяин слаб, как бы высоко не ставил себя. А вот вы, госпожа, можете стать сильной. Очень сильной. Если выживете.

– Ты говорил, что у меня нет шансов.

– Есть. Теперь, может быть, есть. Вы сильнее, чем мне показалось сначала.

– И что же мне делать?

– Ничего. Закройте глаза и слушайте шум леса. Рокот ветвей в вышине, песни лягушек, разговоры птиц, крики обезьян, шорох листвы под ногами... Песня леса скажет вам о многом.

– Здесь нет леса. Нет ничего, кроме уродливого камня.

– Закройте глаза, госпожа.

Веки Лианы медленно опустились, голова откинулась на спинку кресла.

– Вы слышите, госпожа?

– Да... Откуда это, Тутмес?

– Это лес, госпожа. Лес, из которого мы вышли. Лес всегда в нас. Он живет там, внутри.

– Что мне делать, Тутмес?

– Слушайте лес, госпожа. Может быть, он спасет вас.

* * *

– Поговорил с ней, Тутмес? – спросил Виктор.

– Да. Она снова спит. Юная госпожа спит и ей снится лес.

– Какое впечатление она производит?

– Хорошее. Очень хорошее. Вы нашли прекрасный материал, хозяин.
– Как ты думаешь, сегодня вечером удастся приступить ко второму этапу?
– Нет, хозяин, простите. Сегодня – нет. Пусть отдохнет до завтра.
– Лжешь, – Виктор помрачнел. – Ты пытаешься затянуть дело. Я ждал так долго, а теперь опять сплошные задержки...
– Это действительно хороший материал, хозяин. Лина – редкостно чистая особь. Если вы поспешите, то убьете ее. И тогда вам придется снова лететь на Землю, все затянется еще дольше...
– Ладно. Черт... – Виктор стукнул кулаком по колену. – Завтра, завтра. Пойдем, – он порывисто поднялся на ноги. – Покажи, кто живет в восьмом блоке. Мы так и не добрались до них.

* * *

Десять биообразцов, обитающих в контейнерах восьмого блока, ввели Виктора в состояние эйфории. Он причмокивал, щелкал пальцами и улыбался. Одиннадцатый образец вогнал его в состояние недоуменного ступора.

– Это что за дрянь? – спросил Виктор.

В небольшом герметичном аквариуме, скромно притулившимся в углу, в зеленоватой жидкой среде извивался бледный плоский глист, сантиметров тридцати длиной.

– *Platella turionana*, – тихо сказал Тутмес. – Ленточный червь. Уникальный экземпляр.

– Эта тварь со Станса?

– Да, хозяин.

– Откуда она взялась? Я не заказывал такого. Меня не интересуют плоские черви.

– Вы не заказывали его, хозяин. Червь был внутри пальцеглаза.

– Так-так, – произнес Виктор, медленно мрачняя лицом. – И что ты хочешь сказать? Что притащил сюда, на мой астероид, пальцеглаза, зараженного вонючими глистами? Кажется, я дал тебе достаточно денег, чтобы ты отобрал лучшие биообразцы. Лучшие. Самые лучшие!!! Я ведь так говорил, да?! Или у меня, старого маразматика, отшибло память?!

– Простите, хозяин... – Тутмес молниеносно согнулся в поклоне – низко, почти до пола. – Так получилось. Внутри пальцеглаза была эта штука...

– Только и слышу от тебя: «Простите, хозяин!» – завопил Виктор. – На каждом шагу! Ты вытворяешь черт знает что, а я должен все тебе прощать, да?

– Простите, простите великодушно...

Виктор схватил Тутмеса за плечи, дернул вверх, выпрямил, яростно уставился в полузажмуренные, дрожащие черные глаза. Потом с наслаждением въехал коленом в солнечное сплетение чертового африканца. Тутмес захрипел, сложился пополам. Виктор не дал ему упасть. Выпрямил снова, подтащил к стене, прислонил и отпустил тормоза. Его сухие, немолодые, но еще крепкие кулаки начали лупить в шоколадное лицо как в боксерскую грушу – раз за разом, с глухим стуком. После пятого или шестого удара Тутмес рухнул на пол и закрыл голову руками. Виктор добавил пару пинков по ребрам и неожиданно успокоился. Стоял, тяжело дышал, смотрел на разбитые костяшки своих пальцев. Давно ему не было так хорошо.

– Эй, ты, вставай.

Тутмес уперся ладонями в пол, медленно приподнялся, кровь текла из его носа двумя яркими ручейками.

– Давай, давай, шевелись. Хватит притворяться.

– Простите, хозяин...

– Вставай, дрянь. Прощаю. Но учти – в следующий раз наказание будет более справедливым.

– Спасибо, хозяин. Спасибо...

Господи, ну и компания подобралась... Виктор с трудом удержался, чтоб не плюнуть под ноги. Гонористая девчонка с отвертками в пальцах и черный бесхребетный слизняк, бывший убийца, ныне биотехник. Какие люди окружали его там, на Земле... Настоящие люди. Он бросил их, перечеркнул все, что было – плохое и хорошее.

Неужели вся его жизнь прошла только для того, чтобы очутиться на обломке камня в двухстах миллионах километров от земли?

Виктор глубоко вдохнул, тряхнул головой, губы его растянулись в тонкой усмешке.

Жизнь не прошла. Это только начало его жизни, его истории. Все начнется здесь. Уже началось.

– Ну давай, рассказывай, что за глиста плавает там в аквариуме, – сказал он. – Я понял – она была в кишках пальцеглаза. Как она очутилась в этой чертовой емкости?

Тутмес уже сидел на корточках, прислонившись спиной к стене, размазывал красную юшку по лицу.

– Пальцеглаз отрыгнул ее, хозяин. Просто отрыгнул. Уже год назад. Я пришел утром – а она лежит на полу, рядом с ним. Я посмотрел в определителе стансовских животных. Это *Platella turionapa* – паразит пальцеглазов и многих других хищных, уникальный экземпляр...

– Я уже усвоил, что это плателла. Почему ты не выкинул ее сразу к чертовой матери?

– Не догадался... Подумал, что она может пригодится...

– Выкинь ее немедленно. Нечего ей тут делать. Понял?

– Да, хозяин.

Виктор подошел к аквариуму, наклонился над ним. Плоское, молочно-белое тело червя медленно колыхалось в густой жидкости. Головной конец червя с крючьями-челюстями намертво вцепился в патрубок, идущий от стенки инкубатора. На самом деле паразит, что-то вроде бычьего цепня.

Почему не вода, почему гель? Ах да, – червь не свободноживущий, кишечный паразит, положена специфическая среда для содержания. Не дешевая среда, само собой.

– Ты заказал среду и инкубатор, Тутмес? – спросил Виктор.

– Да, хозяин.

– Почему этот заказ прошел мимо меня?

– Так получилось. Было очень много дел, я не успел вас известить. Простите, хозяин...

Итак, что мы имеем? Тутмес заказал соответствующую среду, перенес червя в отдельный инкубатор, создал червя идеальные условия. Тутмес знает свое дело, что и говорить. По морде парень получил справедливо, но еще один, бесплатно доставшийся стансовский ксенобионт – не то, чем стоит разбрасываться.

– Знаешь что, – сказал Виктор Тутмесу, – оставь его пока здесь. Пусть поживет. Будет время – покопаемся в его хромосомах. Может, на самом деле пригодится...

День 6

Лина была готова. Пусть не убить – хотя бы изувечить его.

Едва Виктор вошел в лабораторию, она вскочила с кушетки. Кошачьи инстинкты кинули ее в бой, когти-отвертки выскочили из пальцев. Вонзить отвертку в глаз, почувствовать этот хруст, поймать кайф хоть на долю секунды...

Она на успела.

– Стой, – спокойно произнес Виктор, вытянув руку ладонью вперед.

Лина замерла как вкопанная.

– Сядь на место, – приказал Виктор.

Лина побрела обратно к кушетке, приволакивая непослушные ноги. Не верилось, что такое случилось именно с ней. Это могло произойти с какой-то другой девчонкой, второсортной старлеткой из третьесортного фильма. Сюжет: трое людей заперты в клетке-камене-астероиде, все роли расписаны бесталанным режиссером, ни шагу не ступишь в сторону от дебильного сценария, выхода нет. Выход появится в конце – минут за десять до хэппи энда. Пришлепает некий стареющий Супермен. Прилетит, размахивая синим плащом. Вздрючит тех, кого следует вздрючить, спасет всех, кого должно спасти. Скажет последние слова, коряво простирая руку в направлении Альфы Скорпиона. Тетки в кинозале пустят слезу...

Супермена не будет. Не будет. Не будет. Может, и к лучшему. От Супермена ее точно стошнило бы.

Лина доплюхала до кушетки и медленно опустилась на нее.

– Что со мной? – спросила она. – Почему я слушаюсь тебя, Вик? Это и есть «serve»? Он уже там, у меня внутри?

– Нет. Я ведь говорил, что тебе нельзя вводить психомодуляторы. Мы использовали средство, временно снижающее способность к сопротивлению. Нейролептик.

– Временно? А что будет, когда его действие кончится? Не боишься, что я нападу на тебя?

– Не нападешь.

– Откуда ты знаешь?

– Потому что к тому времени ты будешь знать все. Поймешь, что все, что сделано – на благо тебе. И не только тебе. На благо людям.

– Я – кролик? Всего лишь подопытный кролик, да?

– Когда ты ходила в колледж и училась математике и физике, ты не думала, что ты подопытный кролик. Ты училась.

– Глупость, Вик. Придумай более умные аргументы.

– Именно так. Я не издеваюсь над тобой, даже не провожу над тобой опыты. Всего лишь учу тебя новому. Такому, чего ты никогда не знала. Такому, чего не умеет никто из людей. Бесценный набор умений, Лина.

– И чему же я научусь, Вик?

– Ты научишься жить две сотни лет, не старея. Научишься дышать атмосферой, бедной кислородом. Сможешь есть любую ядовитую пищу, усваивать ее и выводить токсины из организма безо всякого для себя вреда. Будешь бегать быстрее гепарда, плавать быстрее акулы. Сможешь лазить по стенам подобно насекомому.

– Сказки... – Лина покачала головой. – Чистейший бред, Вик. Пусть даже твои волшебные ксенобионты способны на такое, понадобится тысяча лет, чтобы научиться передавать их качества человеку.

– Все уже сделано. Есть методика. Она в моих руках.

– Ты настолько гениален, Вик? Позволь не поверить.

– Я тут не при чем. Это разработки военных. В них вложены триллионы долларов. Двадцать лет я ждал, пока технологию доведут до совершенства. Они сделали это, Лина. Хорошая технология – простая технология. Раньше на подобную переделку человека уходили годы, к тому же с девяностопроцентной вероятностью смертельного исхода. Сейчас это занимает чуть больше месяца. И результат гарантирован, Лина. Ребята поработали на славу, ждать дольше нет резона.

– Ты украл эту технологию?

– Купил, – усмехнулся Виктор. – Я ее купил. Но не в магазине, разумеется.

– Стало быть, на Земле уже есть такие супер-пупер-совершенные переделанные люди?

– Есть.

– А теперь ты собираешься настрогать собственных красавчиков и начать войну с теми, земными?

– Война не заслуживает того, чтобы тратить на нее время, – надменно сказал Виктор. – Это они работают ради войны, – он показал пальцем в пол, – а я – только ради мира. Ради совершенства, ради здоровья людей. В новом мире война не будет иметь ни малейшего смысла.

– Новый мир? Что ты имеешь в виду?

– Другая планета. Другие люди. Чистые душой и здоровые телом. Ты будешь первой из новых, милая девочка. Можешь считать себя Евой.

– Подожди, подожди... – Лина прижала пальцы к вискам. – Ты что, хочешь сказать, что есть планеты, на которых можно жить? Ты сам говорил, что жизнь есть только на Стансе...

– Открыто более двух сотен планет. Как минимум три пригодны для создания биосферы. Одна из них – Мирта – очень похожа на Землю. Там много чистой, качественной воды. Мирта стерильна, благодатные споры жизни не осеменили ее, но стоит лишь засеять... Земля покажется загаженной помойкой по сравнению с новоявленным раем.

– Почему Мирту не пытаются колонизировать?

Виктор засмеялся. Лина с удивлением обнаружила, что за полгода знакомства с Виктором впервые слышит его смех – сухой, похожий на кашель, без малейшего оттенка радости.

– Кому это нужно? – сказал Виктор, отсмеявшись и откашлявшись. – Эпоха романтики прошла давным-давно, большие космические корабли не запускает никто, кроме китайцев, хотя стоит это с каждым годом все дешевле. Скипаеры прыгают куда угодно, но что они могут перевезти? Они слишком малы для колонизации. Люди в Штатах и Европе зажрались, Лина. Они благоденствуют, но при этом не забывают считать деньги. Колонизация никогда не окупит себя, даже на сотую долю процента. На такое, в принципе, способны русские и китайцы, но их это не интересует тоже.

– Почему? Почему бы им не колонизировать ту же Мирту?

– На Мирте хорошая азотная атмосфера, но мало кислорода. На Земле двадцать один процент кислорода, на Мирте лишь пять процентов. Обычные люди смогут жить там только в герметичных помещениях, передвигаться по планете только в скафандрах. Даже при самом быстром варианте создания биосферы насыщение воздуха достаточным количеством кислорода займет тысячу лет. Какую выгоду может принести такая колонизация? Возить с Мирты на Землю минеральные ископаемые нерентабельно, просто бессмысленно...

– Я поняла, – тихо произнесла Лина. – Ты создашь здесь, на астероиде, колонию из переделанных людей. Они смогут дышать в атмосфере, бедной кислородом. Потом перевезешь их на Мирту. И там мы, переделанные, начнем с нуля. Наше согласие тебя, само собой, не волнует...

– Человечество всегда стремилось к экспансии. Люди шли по суше и обживали новые территории. А когда суша кончалась, садились в лодки и корабли, чтобы открыть новые земли и жить там. Это естественный порядок вещей, Лина. Теперь процесс прерван. Человечество

готово заселить новые планеты, но никто не шевельнет и пальцем, чтобы начать это. Я первый, кто зашевелился. Я всего лишь хочу восстановить естественный порядок, Лина.

– Почему ты делаешь это в такой извращенной форме? Почему не объявишь о своих намерениях открыто? Я уверена, у тебя найдутся тысячи добровольных последователей.

– Открытость убьет дело сразу же, – твердо сказал Виктор. – Не буду приводить аргументы в доказательство моей правоты. Скажу коротко: стоит лишь заикнуться о подобном, и меня не будет. Меня устроят через несколько часов, за какими бы надежными дверями я ни прятался. Человечество зашло в тупик. Его устраивает сладкое, комфортное самовырождение. Те, кто правит миром, сделают все, чтобы сохранить статус-кво. А я революционер. Революционеры всегда вынуждены начинать работу в условиях конспирации.

– Как ты сможешь организовать в тайне такое мероприятие, как переправку целой колонии на другую планету?

– Здесь нет ничего сложного, – заявил Виктор. – Когда придет время, решим и эту проблему. Это всего лишь технический вопрос. Не забивай голову лишним.

– Нет, на самом деле, как?

– Ого, ты уже заинтересовалась! – Виктор улыбнулся. – Это хорошо, девочка. Хорошо. С каждым днем в твоей жизни теперь будет все больше интересного. Такого, по сравнению с чем прежняя жизнь покажется всего лишь пресным, скучным суррогатом существования...

День 12

Лина задыхалась. Обескислороженный воздух, поступающий в бокс с тихим шипением, казался ей вязким и вонючим. Белые мошки хаотично металась в глазах, прозрачные стены стеклянного ящика становились матовыми и оплывали, пол качался как корабельная палуба в шторм, навевая тошноту. Садисты... Они убьют ее без малейшей жалости, с любопытством студентов-первокурсников, препарирующих лягушку... Лина попыталась поднять руку, дотянуться до датчиков, присосавшихся к груди. Бесплезно. Привязали ее надежно, и сил уже нет совсем...

Лина, судорожно хватая воздух сухими губами, попыталась произнести хоть слово проклятия. Не получилось и это.

– Хозяин, – тревожно произнес Тутмес, – пульс сто восемьдесят. Экстрасистолы идут уже через раз. На сегодня достаточно. Пожалуйста, хозяин! Ее сердце не выдержит...

– Заткнись, – холодно бросил Виктор. – Я же тебе сказал: сердце – ерунда. Сердце всегда запустим. Главное – эритроциты. Давай анализ активности мембран. Быстрее!

Тутмес застучал трясущимися пальцами по клавиатуре. Выглядел он отвратительно – серо-бурый африканец, покрытый крупными каплями пота.

Парень сильно переживает. Влюбился в девочку Лину? Да, само собой, и это естественно. Попробуй в такую не влюбиться. Может ли это помешать делу? Может, уже мешает, вон как руки дрожат. Чертов серв. Ну что тут поделаешь, что?

Вытравить бы атавизмы из людей. Убить все лишние эмоции. Увы, не получится. Эмоции, вероятно, трансформируются, станут несколько иными, трудно спрогнозировать, какими именно, дай Бог, чтоб не еще более сопливыми, чем ныне. Физически сильные люди часто склонны к сентиментальности. Ладно, все это в будущем. Займемся настоящим.

– Сколько? – спросил Виктор.

– Сто восемьдесят, хозяин. Невероятно. Наверное, здесь ошибка. Она потеряла сознание, начались судороги. Мы убиваем ее...

– Отлично! – Виктор удовлетворенно щелкнул языком. – Девочка начинает адаптироваться. Сто восемьдесят, конечно, мало, нужно как минимум двести пятьдесят. Давай новый анализ! Делай анализ каждые тридцать секунд!

– Двести двадцать.

– Не ври, – усмехнулся Виктор, глянув на монитор, – почти двести тридцать.

– Но она же в коме! Что толку от этих цифр?

– Она не в коме. Она только потеряла сознание... слегка отрубилась. Может, и к лучшему. Она дышит, понял, дурень? Ты бы там давно уже окочурился, а она дышит.

– Но мозг... Что с ее мозгом?

– Скоро узнаем. Смотри, Тутмес, уже двести восемьдесят! Обалдеть! – Виктор стукнул кулаком по коленке.

Не просто цифры. Сто процентов – нормальное насыщение эритроцитов кислородом. Теперь уже – под триста процентов. Красные клетки Лины вобрали в себя в три раза больше живительного элемента, чем им было положено природой. Шанс. У девочки появился шанс. У ее тела. Тело, вероятно, выживет. Дай Бог, чтоб не вышибло мозги... Впрочем, для первого эксперимента это вторично.

– Триста шестьдесят процентов, хозяин!

Лина открыла глаза.

– Хозяин, пульс падает. Боже, Боже...

– Лина, ты слышишь меня? – сказал Виктор, наклонившись к микрофону. – Как дела, малыш?

– Скотина, – слабый шепот, усиленный аппаратурой. – Какая же ты скотина, Вик.

– Так-то вот, – Виктор повернулся к Тутмесу. – Как видишь, мозги на месте. Девочка ругается. Зря ты потел, дружок.

– Тутмес, Тутмес, – хрипкое клокотание в динамиках. – Забери меня отсюда. Скажи Вику... Здесь нечем дышать...

– Не ври, – сказал Виктор. – Тебе есть чем. Пять с половиной процентов кислорода. Как на Мирте. Ты научилась дышать таким воздухом. Я не сомневался, что научишься.

– Вик, пожалуйста... Выпусти...

– Не спеши, – сказал Виктор. Встал с кресла, сладко потянулся всем телом, с удовольствием подумал о том, что через два часа – концерт Большого Мадридского, с самим Хорхе Линаресом во главе. Сегодня Виктор заслужил право на незамутненное удовольствие. – Не спеши, Лина. Ты же не хочешь, чтобы земной воздух спалил твои нежные легкие? Все должно идти в соответствии с планом.

И уже выходя из лаборатории, поймал обжигающий, ненавидящий взгляд Тутмеса.

День 15

- Как тебе эта зверюга? – спросил Виктор Дельгадо.
- Отвратная бестия, – сказала Лина. – Морда – страшнее не бывает. Чем она питается? Человеческими младенцами?
- Как ты знаешь, человечина на Стансе встречается крайне редко, – ответил Виктор. – Впрочем, для нас это не важно. Важно другое – то, как она двигается.
- И как же она двигается?
- Быстро двигается.
- Подумаешь, – Лина пожала плечами. – Мало ли кто быстро двигается...
- Зверюга называется пальцеглаз, – пояснил Виктор. – В ее мышцах, как и у нас, имеются белые и красные мышечные волокна – соответственно, медленные и быстрые. Особенность состоит в том, что у пальцеглаза есть своеобразный переключатель режимов движения. В момент охоты резко мобилизуются все резервы красных волокон, и пальцеглаз способен мчаться со скоростью двести километров в час и прыгать на пятнадцать метров.
- Круто, – Лина покачала головой. – Это будет следующая присадка, которую ты мне вкатишь?
- Да. Она уже готова. Через час начнем.
- Вик, Вик, что ты делаешь? – отчаянный страх исказил голос Лины. – Хочешь меня угробить? Думаешь я не понимаю, да? Если человека заставить бежать с такой скоростью, он умрет через несколько минут. Разрывы мышц и трещины костей, и это еще мелочь. Перегрев организма, обескровленный мозг, отек легких...
- Ты разбираешься в медицине? – Виктор иронично хмыкнул.
- Мне инсталлировали средний медицинский курс, – Лина постучала пальцем по лбу. – Инсталлировали, как и всем пилотам.
- Обычный человек такого бега не выдержит, – согласился Виктор. – Но ты будешь не просто человеком, Лина. Будешь отчасти пальцеглазом В каждой клетке твоего тела будет хромосома с вшитым кластером. И после переключения в ускоренный режим все это заработает. Ты сама удивишься, с какой легкостью побежишь со скоростью быстрее сотни.
- Откуда ты знаешь, что сработает?
- Все уже проверено, отлажено. Биотехники из Юты угробили не одну сотню людей, пока отладили технологию. Но это в прошлом. Тебе, милая, не грозит ничего. Ты получаешь товар высшего класса.
- Зачем ты притащил стансовских тварей сюда? Не проще было привезти с Земли все нужные присадки?
- Присадки высшего класса живут всего несколько часов и готовятся *ex tempore*³, – наставительно произнес Виктор. – Все то, что законсервировано, заморожено в жидком азоте – дешевая дрянь. Доставить сюда живого пальцеглаза стоило мне огромных денег, содержать его здесь – не менее дорого. Но если ты, девочка, пробежишься через неделю со скоростью автомобиля, все расходы окупятся. Потому что вслед за тобой побежит еще сотня красивых, здоровых девочек и мальчиков. Побегу даже я, старая развалина. Мы должны обрести новую степень физического совершенства. И мы обретем ее.
- Я боюсь, Вик. Я умру, да?
- Это Тутмес тебя запугал? – Виктор внимательно посмотрел в глаза девушки. – Поганец Тутмес... Я уже жалею, что взял его. Но пока без него не обойтись, – Виктор хмуро покачал

³ Непосредственно перед употреблением (лат.).

головой. – Ты пройдешь полный курс, Лина, и станешь моей полноценной помощницей. Я научу тебя хитрой науке биотехнике. И тогда Тутмес станет не нужен.

– Отправишь его на Землю?

– Да.

– Не ври. Ты убьешь его.

– Не убью.

– Враки, враки. Не убивай Тутмеса, Вик. Пожалуйста! Он хороший.

– Дерьмо он хитрозадое, вот оно что, – сказал Виктор Дельгадо – Не уповай на него как на защитника, Лина. В этом мире есть только один твой настоящий защитник. И это – я.

День 32

– Восемьдесят километров! – крикнул Тутмес. – Восемьдесят пять! Девяносто!

– Хватит! – гаркнул Виктор в микрофон. – Тормози, Лина. Тормози аккуратно!

Лина сбавила темп слишком резко. Беговая дорожка не успела среагировать, замедлить ход – черная лента протащила девушку назад со скоростью несущегося автомобиля, выкинула в воздух, ударила спиной о приборный щиток. Лина перелетела через станину, взмахнула руками – неловко, как сломанный манекен, – врезалась в стену и рухнула на пол.

– Черт! – завопил Тутмес и галопом бросился к Лине.

Виктор медленно поднялся из кресла, не спеша пошел к Лине и Тутмесу. Что за бестолочь девчонка – третий забег, и каждый раз летает кувырком. Никак не поймет, что на скорости девяносто в час нельзя тормозить так резко. Снова будет отлеживаться целый день. Сутки, считай, потеряны. Нарочно, что ли, она это делает? Знает, маленькая поганка, что ничего ей за это не будет, что все ушибы за несколько часов исчезнут, порезы затянутся. Виктор рассчитал все правильно – сперва присадил ей кластер регенерации от Мельничника дивного – редкостно уродливой жабообразной стансовской твари, и только потом начал эксперименты с переключением скоростей.

Уже очухалась, открыла глаза. Тутмес усадил ее на полу, поддерживает нежно за плечи, шепчет что-то на ухо. Наверное, о том, какой негодяй хозяин Виктор, какой он злой и бесчеловечный. Все влюбленные – идиоты, а влюбленный серв – в особенности.

– Лина, как ты? – сухой, бесчувственный вопрос.

– Больно. Я сломала палец.

Показывает указательный палец. Палец действительно сломан – кость всмятку, без рентгена видно. Ну что за дрянь! Это уже не сутки, это дня три задержки.

Виктор сжал кулаки, закрыл глаза, глубоко вдохнул, давя в себе желание наброситься на обоих, избить их до полусмерти. Нет, так нельзя. Спокойнее, Виктор, спокойнее. Береги нервы.

Как хорошо было на Земле. Два раза в неделю – спарринг на ринге. Время от времени Виктор получал оглушительные оплеухи, крюки в дыхалку, пару раз даже доходило до сотрясения мозга, но обычно он подбирал правильных спарринг-партнеров – тех, кого мог избить без труда. И делал из них отбивную. Стресс это снимало отменно.

Виктор вспомнил свой последний бой – длинного тощего пуэрториканца, отправленного в нокаут на шестнадцатой минуте. Виктор сломал ему нос. Латинос валялся на ринге, обливался кровью, сучил ногами и не мог встать. А Виктор не спешил ему помочь...

Виктор открыл глаза, потрянул головой. Ему стало намного легче.

– Займись ей, Тутмес, – сказал он. – Приведи ее в порядок. И учти – даю один день, не больше. Чтоб через сутки она была здорова. И никаких обезболивающих. Понял?

– Да, хозяин, конечно.

* * *

Тутмес глядел на дисплей и удрученно качал головой. Многооскольчатый винтовой перелом третьей фаланги. За день такое, конечно, не срастется. Трое суток как минимум. Плюс трещина на малоберцовой, две трещины в ребрах и ушиб правой почки. И значит, завтра он, Тутмес, будет просить хозяина не мучить девочку, подождать еще хоть денек, и неминуемо получит взбучку – можно не сомневаться, что хозяин поставит ему пару свежих синяков. Тутмес дотронулся до разбитой, незаживающей губы. Боксер проклятый... В честном кулачном бою Тутмес уложил бы Виктора за пару минут, но статус раба не давал ему возможности сопротивляться.

Что ж, Тутмес знал на что шел, когда подписывал контракт. А вот девочка Лина влипла ни за что ни про что. И другие, те что последуют за ней, тоже влипнут – как мухи, приклеившиеся к листьям хищного растения. Возможно, все это не впустую, и проект Виктора Дельгадо когда-нибудь увенчается успехом. Возможно... У Тутмеса были веские основания сомневаться в этом.

Он подошел к Лине. Она усидела на кушетке, прижав больную руку к груди, нянчила ее как куклу.

– Ручка, ручка, не боли, – услышал он ее шепот. – Ручка, ручка, проходи. Ручка, ручка, не боли...

Тутмес тяжело вздохнул. Бедная, бедная девочка.

– Госпожа Лина, зачем вы это делаете? Зачем ломаете свои косточки? Нет смысла, госпожа. Это не принесет вам ничего, кроме вреда.

Она повернулась и голова Тутмеса снова, как всегда, закружилась от ее пронзительно синего взгляда.

– Тутмес, Тутмес, я же говорила тебе, что я не специально. Что я, дура, мазохистка? Это очень больно, Тутмес. Но я ничего не могу поделать. Не умею с этим справляться.

– Вам нужно всего лишь постепенно сбавлять темп. И тогда дорожка успеет затормозить. Она не может снизить скорость от девяноста до десяти за пять секунд, как это делаете вы. Это не предусмотрено конструкцией, там слишком большая инерция...

– А я не могу плавно затормозить. Понимаешь? Это переключатель, и у него только две позиции – либо нормально, либо очень быстро. Я пытаюсь, но у меня не получается. Пальцеглаз внутри меня делает все по-своему. Плевать ему на меня. Если бы я бежала по открытому месту, а не по гадской дорожке, все было бы нормально. Я бы затормозила.

– Я попытаюсь объяснить хозяину.

– Не надо. Он опять отлупит тебя. Сама ему скажу.

– Он не хочет слушать. Он хочет как можно быстрее. Вы для него лишь расходный материал, госпожа.

– Все он поймет, – Лина бросила косой взгляд на видеокамеру, шпионски глядящую из-под потолка, записывающую каждое движение, каждое слово. – Не психуй, Тутмес, не ругай Вика. Мы договоримся с ним.

– С ним не договоришься. Он холодная, бесчувственная рептилия, он убьет вас, госпожа...

– Прекрати! – крикнула Лина. – Заткнись!

Глупый Тутмес нарывается на очередную порцию тумачков. Можно считать, что уже нарвался. Надо же, как все коряво устроено – оказывается, серв может ненавидеть хозяина, хотя и подчиняется ему беспрекословно.

Ее ситуация лучше. Намного лучше. Конечно, переломы костей не подарок, но это, как выясняется, лишь временная неприятность. Главное, что она становится сильнее с каждым днем – Виктор не соврал, он хорошо знает свое дело. Интересно, он задумывается над тем, что будет дальше? Что может произойти, как только нейролептики, не дающие Лине поднять на него руку, перестанут действовать?

У Лины все впереди. Ей нужно лишь терпеть и ждать. Она едва выжила, но теперь ее шансы растут с каждым днем. А вот Тутмес ходит по грани. Он что, нарочно провоцирует Вика на жестокость, или просто не может сдержать своих эмоций?

Тутмес очень чувствительный. Очень живой человек в отличие от Виктора, чья душа высушена до состояния мумификации.

– Ты хороший, Тутмес, – Лина протянула здоровую руку, дотронулась до пальцев серва. – Ты добрый. Не зли Вика, пожалуйста. Побереги себя. Ты думаешь, что настолько нужен Вика, что он не может убить тебя? Это не так. Будь осторожнее, Тутмес, пожалуйста. Ради меня.

– Ради вас, – эхом отозвался Тутмес. – Хорошо, юная госпожа. Буду осторожнее. Я делаю здесь всё ради вас. Я живу только для вас. И умру тоже ради вас.

– Э, нет, – Лина покачала головой, – так не пойдет. Мы так не договаривались – умирать. Мы будем жить вечно.

– Хорошо, госпожа. Если вы так велите...

День 50

Виктор Дельгадо откинулся на спинку кресла, закрыл глаза и помассировал веки. Боже, как хорошо! Он чувствовал себя на вершине блаженства.

Получилось, получилось.

В последнее время всё шло наперекосяк, Виктор уже было решил, что придется начинать снова, с нуля. Что все пошло насмарку.

Конечно, он сам виноват. Не смог сдержаться. Когда прослушал разговор Тутмеса с Линой, – взорвался и съехал с колеи. Отколошматил чертового серва в месиво, избил его до смерти. Почти до смерти. Пришлось срочно изготовить порцию регенерирующей присадки и вкатить ее Тутмесу, иначе бы тот откинул копыта через несколько часов. Два дня серв провалялся в коме, еще пять дней – в установке искусственного сна. Неделя вылетела коту под хвост. Зато теперь ходит как шелковый, пикнуть боится, взгляд полон смирения и готовности подчиняться.

Если слугу бьют, а он по-прежнему ведет себя плохо, значит, бьют его мало. На этот раз слуга получил адекватную порцию лекарства от строптивости.

Виктор не мог ждать, пока Тутмес придет в рабочее состояние. Нетерпение грызло душу Виктора, подхлестывало его огненным кнутом. Он начал работать в одиночку – изготовил новую присадку, самостоятельно ввел ее Лине, сам выходил девочку. Это оказалось намного труднее, чем он предполагал. Период адаптации протекал ужасно – в первые дни Виктор был уверен, что Лина не выживет. Температура подскочила до сорока, кровь шла изо всех отверстий, сочилась даже через поры кожи, сердце останавливалось через каждые несколько часов, пришлось подключить дефибриллятор в автоматическом режиме. Почему так случилось? Виктор знал. Конечно, знал. Всё из-за спешки. Он запихнул в гены девочки слишком много присадок – четыре штуки меньше чем за сорок дней. При качественной работе на усвоение каждой присадки потребовалось бы не меньше двух месяцев... Ладно, ладно. Победителей не судят. А он победил и на этот раз. Ошибки для того и существуют, чтобы на них учиться. Пусть девочка пока отдохнет. Она получила все, что ей положено. Пусть тренируется есть всякую дрянь, тренирует печень и почки.

Присадка детоксикации увеличивала способность выводить яды из организма. Она была изготовлена из хромосом Байкальника синичного – двухголовой стансовской образины, по виду напоминающей свинью-бородавочника, но с гребнем на спине – неожиданно красивым, раскрашенным во все цвета спектра. Обитал Байкальник синичный в местности, напичканной токсинами под завязку – и ничего, лопал все подряд, щелкал цианиды как семечки, ничто его не брало. Полезная генная утилита, что и говорить. Особенно при освоении новых планет.

Виктор провел первую пробу только на пятнадцатый день после введения присадки. Дал Лине время оклематься. И предупреждать ее не стал – зачем зря волновать девочку. Просто подсыпал ей в суп хлористого лития, посолил собственноручно. На вкус та же поваренная соль, но вот по токсичности... Не самый сильный, но проверенный яд. Смертельная доза для человека – восемь граммов. Виктор дал Лине шесть – с учетом массы тела вполне достаточно.

Все прошло гладко. Лина скушала супчик с аппетитом, бровью не повела. Виктор лично следил за этим через видеокамеру. После обеда девочка смотрела видео, немножко подремала. Проснулась, сходила в туалет...

Теперь перед Виктором лежала распечатка спектрального анализа мочи. Концентрация лития в ней превышала все мыслимые пределы. И это означало лишь одно – организм Лины вывел всю отраву за два часа.

Девочка готова. Полностью готова. Отличная работа.

Виктор заслужил праздничный ужин под музыку Брамса, под прелестную оркестровую серенаду, сочинение номер 16. Ужин в одиночестве, само собой. Лине теперь положена особая, правильно посоленная и приперченная диета. А Тутмес... Что ж, и он заслужил кое-что. Скоро он об этом узнает.

* * *

– Что-то меня подташнивает, – сказала Лина. – И изжога, как будто соленой рыбы переела. У тебя таблеточки не найдется какой-нибудь подходящей?

– Нет, что вы, госпожа! – Тутмес испуганно затряс головой. – Нельзя вам никаких таблеток! Нельзя! Можно только то, что разрешил хозяин!

– Как ты, Тутмес, милый? Как себя чувствуешь?

– Не называйте меня милым, госпожа! Я просто Тутмес. Глупый слуга Тутмес. Чувствую себя очень хорошо.

Лина закусила губу, грустно покачала головой. Надо же, как человека изуродовали. Левый глаз Тутмеса был закрыт черной повязкой, но Лина знала, что глаза там уже нет – вытек. Свернутая набок переносица, грубо заживший хирургический шов вдоль щеки. Половина зубов выбита, поэтому Тутмес забыл об улыбке и стеснительно прикрывает рот рукой при разговоре.

– Тутмес, милый, не расстраивайся. Ты вернешься на Землю и закажешь себе новое лицо – какое захочешь. Ты же знаешь, это так просто.

Враки, враки. Глаз не будет видеть уже никогда.

– Не зовите меня милым, Госпожа, – умоляющим тоном сказал Тутмес, – А то хозяин снова рассердится и побьет меня. Вы же этого не хотите, да? Пожалуйста!

– Где Вик?

– Хозяин ужинает. Сейчас он кушает кролика в белом соусе и слушает красивую музыку. У хозяина хорошее настроение.

– Вот же дерьмо этот Вик! Он так и не сказал мне, что за гадость впихнул в меня в последний раз. Я чуть не умерла.

– Не ругайте хозяина, госпожа!

– Еще скажи, что он хороший.

– Хозяин хороший.

Тутмес стоял перед Линой – ссутулившийся, потный, трясущийся. Тоскливый, затравленный взгляд, ни капли былой самоуверенности. Раб с хлопковой плантации.

– Что-то не пойму я тебя, Тутмес, – сказала Лина. – Тебе что, нравится так унижаться?

– Нравится, госпожа.

– Но раньше, кажется, не нравилось? Раньше ты был похож на нормального человека.

– Мы меняемся, госпожа. Все мы меняемся.

– Теперь ты не слушаешь лес?

– У меня больше нет леса, госпожа. Нет. Я отдал его вам.

– Ты врешь, Тутмес. Чего-то не договариваешь. Мне кажется, что ты...

– Не надо, госпожа. Пожалуйста.

Тутмес приложил палец к губам. Показал Лине открытую ладонь левой руки.

«Пойдемте со мной и ничего не спрашивайте», – было написано на ладони.

* * *

– Вот здесь, – сказал Тутмес. – Здесь правильное место. Здесь можно говорить. Здесь никогда не было ни камер, ни микрофонов, и хозяин об этом не знает.

Тутмес дышал тяжело, словно пробежал пару километров. Впрочем, Лина запыхалась не меньше – путь оказался неблизким, и почти весь он состоял из длинных вертикальных туннелей, внутри которых пришлось карабкаться по скобам, торчащим из стены.

– Что это за чердак? – спросила Лина, озираясь по сторонам. Помещение представляло собой кубической формы грот, наполовину заваленный картонными коробами и пластиковой пленкой.

– Не важно, – Тутмес махнул рукой. – Совсем не важно, что это за комната. Просто комната, да.

– Зачем ты меня сюда привел?

– Вы должны убить хозяина, – выпалил Тутмес. – Убить хозяина как можно скорее!

– Убить? – Лина усмехнулась. – Ты же сам говорил, что нельзя убивать. Вспомни.

– Тогда было нельзя, было еще рано. Теперь можно. Нужно.

– Кому нужно? Тебе? Ты говоришь так, словно осуществляешь план – разработанный давно, еще до моего прилета сюда. Знаешь, на что это похоже? На приглашение вляпаться в очередную кучу навоза. Виктор играет мной как куклой, ты тоже решил поиграться?

– Хозяин – чудовище. Он убьет вас, Лина, убьет!

– Я уже слышала это от тебя сто раз. Вначале ты предрекал, что я не протяну и нескольких дней, потом у меня неожиданно появились шансы, теперь же, когда Вик собирается от меня отвяжаться, вдруг назрела острая необходимость в его убийстве. Ты непостоянен, Тутмес. Я хорошо к тебе отношусь, но не заставляй меня менять свое отношение.

– Почему вы думаете, что он оставит вас в покое?

– Он сказал, что ввел мне все присадки, какие положено. Что теперь я буду отдыхать. Даже тренировок у меня не будет...

– Он проводит тренировки. Постоянно проводит, а вы об этом не знаете...

* * *

– Вот ведь дрянь! – Виктор ударил кулаком по столу. – Никогда больше не свяжусь с серверами. Говорили же мне, что модулятор недоработан...

«Он травит вас ядами, госпожа, – бубнил голос Тутмеса из динамика. – Он ввел вам присадку детоксикации, это очень плохая штука, госпожа, очень вредная штука, а теперь подсыпает вам в еду хлорид лития – очень, очень ядовитый. Поэтому вы так плохо себя чувствуете, госпожа. А дальше пойдут в ход более тяжелые токсины. И он ничего вам об этом не сказал, потому что вы бы не согласились. Он затравит вас до смерти».

Поганец Тутмес испортил вечер, опять не дал дослушать концерт. Запищал зуммер тревоги, оторвал Виктора от ужина. Что ж, информация стоила того, чтобы отвлечься – нет худа без добра.

Тутмес разговаривал с Линой в каком-то помещении, лишенном прослушки. Не имело значения, каком. Виктор вживил микрофон в тело Тутмеса, в правую надключичную ямку, и сервер не подозревал об этом. Виктор мог слышать каждое слово сервера.

Как всегда, не вовремя. Виктор рассчитывал еще на месяц спокойной жизни – не спешить, поработать над отработкой детоксикации, прогнать еще раз весь алгоритм, подготовить астероид для нового жильца... Ладно, ладно. Неприятные обстоятельства на то и существуют, чтобы портить жизнь, чтобы выпрыгивать подобно чертику из табакерки. Главное – быть готовым к их появлению.

Он готов.

Виктор подключился к приват-связи, набрал код. На экране появилось лицо – веснушчатое, свежее, молодое, лоб прикрыт косой рыжей челкой.

– Привет, Шон, – сказал Виктор. – Как делишки?

– Нормально, – сказал парень. – Что-то изменилось, Виктор? Ты же сказал: не раньше, чем через месяц.
– Все изменилось. Через четыре дня.
– Но... У меня тут еще дела.
– Никаких но. Вспомни контракт. Хочешь, чтобы я его разорвал?
– Нет, нет, извини, Виктор. Во вторник прилечу
– Координаты астероида не потерял?
– Шутишь? Что брать с собой?
– Зубную щетку и тапочки, – Виктор улыбнулся. – Здесь есть всё, Шон. Всё, что душа пожелает. Тебе понравится, Шон. Ты получишь большое удовольствие. Гарантирую.

* * *

– Вот значит как, – Лина задумчиво поскребла в затылке. – То-то мне все время пить хочется, глотаю воду литрами и остановиться не могу. Ладно, я поговорю с Виком...
– Ни в коем случае! – крикнул Тутмес. – Тогда он все поймет, он сразу убьет нас!
– Хватит! – зло сказала Лина. – Не повторяйся, Тутмес. Ты прав, все изменилось, только изменилось не так, как ты думаешь. Я уже не против Виктора. Он, конечно, не самый лучший человек, характер у него дрянной, но мне нравятся его идеи. Я хочу жить на другой планете, осваивать ее с такими же, как я, здоровыми людьми, свободными от земной грязи. Я вижу во снах Мирту – оживающую, становящуюся чудесным садом. Это стало и моей мечтой, понимаешь?
– Нельзя делать это так, как делает он. Нельзя. Неужели вы этого не понимаете?
– У него нет другого выхода. Я думала над этим. Он действует правильно. Так сложилась ситуация, и по-другому поступить нельзя.
– Вы не будете свободными колонистами – станете его рабами. Жалкими рабами. Будете работать на него, а он будет бить вас и унижать.
– Бить? – Лина рассмеялась. – Не притворяйся дураком, Тутмес. Я стала сильной, никто не сможет ударить меня безнаказанно. И зачем ему бить нас? Чтобы мы лучше работали? Боже, что за глупости!
– Он унижил вас, госпожа. Он обманул вас, надругался над вашим телом, превратил вас в монстра.
– Я простила ему это, – заявила Лина. – Мне нравится быть монстром. Ты представить не можешь, насколько это здорово.
Тутмес зажмурил единственный глаз, закрыл лицо руками и застонал.

День 51

- Вик, я хочу с тобой поговорить, – сказала Лина, наклонившись к коммутатору.
- Отлично. Я тоже хочу. Жду тебя через десять минут в пятом блоке.
- Подожди. Нужно, чтобы Тутмес тоже присутствовал.
- Тутмес? Зачем?
- Так нужно. Мы должны поговорить все вместе. Поговорить честно. Потому что новую жизнь нельзя начинать со лжи.
- Вот как? – Виктор нахмурился. – Ладно, будь по-твоему. Через полчаса встречаемся втроем.

* * *

Виктор сидел за столом – замерзшая полуулыбка на устах, холодное лицо ледяной статуи. Стол его, обычно педантично прибранный, был завален ворохом бумажных лент. Пара размонтированных приборов стояла в углу на большой тележке, напоминающей больничную каталку, в воздухе витал запах расплавленной пайки. Похоже, Лина и Тутмес застали Виктора в самый разгар работы.

- Садитесь, – Виктор кивнул. – С чем пожаловали?

Лина и Тутмес опустили в два низких кожаных кресла, стоявших вдоль стены, метрах в трех от стола. Тутмеса колотило не на шутку – ему не помешала бы основательная порция успокоительного. Лину же охватило удивительное спокойствие. Этой ночью ей снова снилась Мирта – планета, похожая на сказку. Лина сделала свой выбор – сомнения, мучавшие ее в последние недели, развеялись, она чувствовала даже нечто вроде симпатии к Виктору.

- Виктор, – сказала она, – я знаю, что ты ввел мне в последний раз. Это присадка детоксикации. А еще я знаю, что ты добавляешь мне в еду хлорид лития. Напрасно ты не сказал мне, Виктор. Я бы согласилась добровольно. Я понимаю, насколько это важно для колониста – умение сопротивляться токсинам.

– Значит, все ты знаешь? – Виктор покачал головой. – Славно, Лина. Теперь я избавлен от нудных объяснений. И откуда же ты узнала сей страшный секрет, милая? Птички напели?

Изувеченная физиономия Тутмеса задержалась в тике. Достаточно было взгляда на серва, чтобы понять, кто виноват. Виноват во всем. Во всем и всегда.

- Тутмес сказал, – бесхитростно произнесла Лина. – Он сказал мне это, Вик, и ты не накажешь его за это.

- Почему ты думаешь, что не накажу?

– Потому что с сегодняшнего дня всё будет по-другому. Ты больше не будешь наказывать его. А я не буду сопротивляться тому, что ты делаешь. Мы станем союзниками – все трое. Не будем лгать. Не будем тихо ненавидеть друг друга.

- Ты думаешь, такое возможно?

– Да, Вик. – Лина мечтательно улыбнулась. – Я понимаю причину твоих страхов. Ты боишься, что дело, которое ты затеял, может быть погублено людьми, нелояльными к тебе. Ты не веришь людям. Поэтому ты держал меня в неведении, пичкал своими нейрорептиками – чтобы я, не дай Бог, на тебя не набросилась. Поэтому заковал Тутмеса в наручники серва и избивал его по поводу и без повода. Но на страхе нельзя построить общество сильных людей, Виктор. Представь, что будет, когда таких как я будет здесь сотня, несколько сотен? Ты окажешься беспомощным перед нами. Как ты намереваешься справиться с этим? Ты думал, как с этим вообще можно справиться?

- И как же? – любопытно спросил Виктор. – У тебя есть рецепт, девочка?

– Нужно любить людей, Вик. Просто любить их. И они ответят тебе доверием.

– Я что-то слышал о такой теории, – произнес Виктор. – Теоретически такое возможно. Только знаешь ли, милая наивная Лина, я прагматик. Я черт знает сколько лет управлял огромной фирмой, в которой работали сотни людей, а еще изо дня в день боролся с конкурентами, готовыми разорить меня и моих людей, оставить без работы. И, само собой, разбирался с чинушами, которым нет дела вообще ни до чего, кроме собственного кармана, и с ворюгами-политиками, и со жлобами-полицейскими. Мы делали то, что другим и не снилось, двигали чертово человечество, толкали его по лестнице вверх, хотя человечеству было на это наплевать. Моя фирма процветала, она была лучшей. Лучшей! Не думай, что это стало результатом моего благодушия и честности. Вовсе нет. Хорошему результату всегда предшествуют жестокость, искажение информации и подавление воли людей. Это методы, Лина. Это естественный отбор, в ходе которого выживают сильнейшие, все же остальные отправляются если не в могилу, то на свалку. Всё остальное – сопля, не более того. Амурчики на потолке и цветочки в вазах.

– Значит, я тебя не убедила?

– Нет, Лина.

– И все останется по-старому? И ты накажешь Тутмеса?

– Ну, что ты, милая, – Виктор картинно воздел руки к потолку. – Как можно наказывать такого замечательного человека? Такого верного слугу, хорошего помощника? Как можно бить его по морде, вышибать ему зубы, хлестать его кабелем и ломать ему пальцы? Такого больше не будет, Лина...

Тутмес скукожился, забился в угол кресла. Пот тек по его лицу ручьями.

– Я думаю, наш Тутмес заслужил свободу, – Виктор говорил громко и четко, вколачивал каждое слово как гвоздь в стену. – Заслужил за всё. За то, что ненавидел меня, хозяина. За то, что саботировал все, что я ему поручал. За то, что вчера просил тебя убить меня – переваливал эту ношу на тебя, Лина, поскольку сам слишком слаб для такого.

Тутмес свалился с кресла, шлепнулся на колени, сложил ладони перед собой в молитвенном жесте. Его трясло с головы до ног.

– Простите меня, простите, хозяин! Я не хотел, не хотел. Не знаю, что на меня нашло...

– Я решил, что Тутмес больше не годится мне в помощники, – объявил Виктор. – Слышишь, серв? Ты мне больше не нужен. Убирайся с астероида. Ты ведь давно об этом мечтаешь?

– Но как же я могу это сделать, хозяин? Ведь здесь не Земля, я не могу просто уйти...

– Это очень просто – уйти, – сказал Виктор. – Смотри, Лина, как это делается.

Виктор извлек из вороха бумаг пистолет с длинным стволом и выстрелил.

Голова Тутмеса взорвалась как арбуз – красные ошметки брызнули во все стороны. Мертвое тело глухо шлепнулось на пол.

Лина закрыла лицо руками и заплакала.

– Вот так уходят те, кто ведет себя по-свински, – сказал Виктор. – И это тоже метод, девочка. Очень действенный метод.

– Скотина! – крикнула Лина. – Ненавижу тебя!

– Спокойнее, спокойнее, детка. Из-за кого ты переживаешь? Из-за сбрендившего черномазого калеки? Цена таким обезьянам – полдоллара за стадо. Ему еще повезло, легко отделался, и лишь потому, что ты замолвила за него словечко. Подумаешь – выстрел в башку. Если б не ты, я медленно раздавил бы его в прессе – очень забавный вид смерти.

– Садист! Как ты хочешь управлять колонией? Так же? Убивать всех, кто тебе не угоден? Упиваться своей неограниченной властью? Ты сумасшедший, Виктор!

– Какая колония? – Виктор недоуменно поднял брови. – О чем ты говоришь, дорогая? Я тебя не понимаю.

– Мирта! Мирта! Наша планета. Наш мир, в котором мы создадим новую жизнь...

Лина осеклась. Запоздалое понимание исказило ее лицо.

– Мирта? – переспросил Виктор. – Это что такое? Сорт лавандового мыла?

– Подожди, – Лина выставила перед собой руку, защищаясь. – Только не вздумай сказать...

– Вздумаяю. Да-да, детка, именно так. Ты хотела знать, как контролировать толпу суперменов, запертых внутри астероида? Никак. Не будет никакой толпы. Совершенный человек – штучный товар, и тиражировать его нельзя. Все то, о чем я тебе говорил – беспросветная чушь. Поверить в это могла только такая глупая приличная девочка как ты. Тебя романтично воспитали, Лина. Ты, случайно, не ходила в воскресную школу? Невозможно наплюдить на астероиде популяцию сверхлюдей и избежать при этом грандиозных склок, приводящих к банальным смертоубийствам. Еще более невероятно построить большой корабль и отправить его в дальний космос втайне от человечества. И, наконец, даже если бы такое удалось, если бы мы колонизировали какую-либо планету, нас не оставили бы в покое ни на день, ни даже на минуту. Люди истосковались по войнам за десятилетия противоестественного мира. Земля напоминает кучу сухого хвороста – только дай внешнего врага, только поднеси спичку, и всё вспыхнет разом. Именно это и является причиной противодействия колонизации. Лидеры всех блоков давно заключили тайный договор о моратории на колонизацию на тридцать лет. Ты хочешь поспорить с сильными мира сего? Я – нет. Я не настолько безумен.

– И зачем же было все это? – спросила Лина. – Зачем ты мучил меня? Ради чего убил бедного Тутмеса?

– Технология, Лина. Я купил ее для того, чтобы применить на себе. Но любая технология требует отработки. Согласись, я не мог рисковать. Разумнее было ввести тебе все присадки в состоянии сна, не приводя в сознание – тогда бы ты не брыкалась и не мешала экспериментам. Но я не мог пойти на такое – нужно было посмотреть на живую реакцию. Переделку следующего подопытного я совершу полностью в автоматическом режиме. Он не проснется, пока не получит и не усвоит весь комплект новых утилит. И такой подопытный будет не один – алгоритм должен быть отработан идеально. Когда же все будет работать безукоризненно, я лягу в камеру сам. Отдам себя автоматам. Они зарядят меня на полную катушку. Я проснусь уже новым человеком.

– Зачем тебе это нужно, Вик? Зачем?

– Почему ты полетела со мной? – ответил вопросом на вопрос Виктор. – Ты, красивая и умная девушка из богатой хай-стэндовской семьи? Почему бросила все и потащилась на астероид? Чего тебе не хватало на Земле?

– Мне было скучно там. Я думала найти здесь что-то интересное...

– Мне тоже скучно. Я уже получил в этом мире все, что можно. Я прошел свой жизненный пик, и знаю, что дальше буду только медленно угасать. Легальная жизнь успешного приличного человека противна – жены, дети, налоги, каждый чих на виду. Ты не знаешь, что это за дрянь, потому что молода и свободна. Я тоже хочу стать свободным и молодым. Есть только одна возможность для этого – умереть и родиться заново. Я уже умер, осталось родиться. Я возрожусь как Феникс из пепла. Впереди у меня столетия здоровой, высококачественной жизни.

– Ты будешь столетия торчать на этом гнусном астероиде?

– Шутишь? – Виктор широко улыбнулся. – Я вернусь на Землю, детка. Слегка подправлю лицо, чтобы никто не узнал во мне скандально известного Виктора Дельгадо. Буду путешествовать по всему миру – в одиночестве лазить по скалам, бродить в джунглях, добывать пищу голыми руками и жарить мясо на костре. Когда мне это надоест, вернусь к людям, буду сорить деньгами в самых дорогих казино и спать с самыми красивыми женщинами. И никакая крыса не заглянет мне через плечо, не потребует финансового отчета. Я буду по-настоящему свободен. Я заслужил это.

– Что ж, грандиозные планы. Только где ты возьмешь денег на такую жизнь? Ты накопил средств на столетия вперед?

– У меня есть деньги. И заработаю еще – много, намного больше, чем уже заработал. Я лично знаю не меньше двух десятков людей, каждый из которых без проблем отвалит мне по полмиллиарда за то, чтобы избавиться от всех болячек и прожить еще один жизненный срок. Естественно, я сделаю это нелегально. Не хочу светиться, Лина.

– Ясно. – Лина подобрала ноги, чуть наклонилась вперед. – С тобой все ясно, Виктор. А что будет со мной?

– Ты умрешь, девочка. Умрешь.

Ледяная игла пронзила сердце Лины. Она сжала зубы, сделала глубокий вдох. Только не сорваться в панику. Держать себя в руках. Она может успеть. У нее еще есть шанс.

– Все мы умрем, – сказала она хрипло, – кто-то раньше, кто-то позже. Не хочешь прихватить меня на Землю, Вик? Из нас получится славная парочка. Я буду бродить по джунглям вместе с тобой. А когда надоем, уйду беспрекословно. Не буду мешать тебе любить красивых женщин.

– Ты уже надоела мне, – Виктор криво усмехнулся. – Ты моя головная боль. Я ни на секунду не чувствую себя в безопасности. Ты ведь и сейчас готовишься наброситься на меня, да?

– Нет, нет. Что ты, Вик?

Да, да. Конечно, да. Лина напрягала и расслабляла мышцы ног, стараясь, чтобы движения ее не были заметны. Ей нужно разогреться, чтобы разбудить пальцеглаза. Всего один большой прыжок. Всего один. И одна пуля. Пуля была ей гарантирована. Может быть не одна. Но если он не попадет ей в голову, она должна успеть.

– Ты отработала свое, – Вик поднял пистолет, направил его на Лину. – И совершила много глупостей. Опоздала, девочка. Ты могла бы убить меня уже давно: как только начала действовать утилита детоксикации, нейрореплетик в твоей крови разрушился, и ничто тебя больше не сдерживало. Ты об этом не догадалась – даже тогда, когда чертов серв предложил тебе пришить меня.

– Я знала об этом, – сказала Лина. – Просто не хотела тебя убивать. Не хотела, понимаешь? Это же так просто.

– А сейчас хочешь?

– И сейчас не хочу.

– Врешь. Жаль, что ты не видишь себя со стороны. Ты как пантера перед прыжком – красивая тварь, ничего не скажешь.

– Господи, какая же ты дрянь, – сказала Лина, уже не скрывая отвращения. – Будь ты проклят во веки вечные. Давай, стреляй. Давай, чего ждешь?

– Так не интересно, – Виктор опустил пистолет. – Хочешь честную дуэль? Я считаю до трех: ты прыгаешь, я стреляю. Кто быстрее?

– Что ж тут честного? Пистолет против голых рук.

– Ты сама по себе оружие, девочка. Не забывай об этом. Можешь свернуть мне шею как цыпленку.

– Иди к черту, – Лина плюнула под ноги. – Играешь со мной до последнего. Противно всё это. Стреляй так, не буду я прыгать.

– Как хочешь, – Виктор поднялся на ноги, снова поднял пистолет, демонстративно щелкнул затвором. – Считаю. Раз, два...

Лина сорвалась с места и понеслась вперед.

Время застыло, растянулось в бесконечные секунды – как в киношном «сло-мо»⁴. Она преодолела пространство до стола в два прыжка, уже вытянула руки... Пистолет выстрелил

⁴ Slow motion – кинематографический прием замедленного движения в компьютерной обработке, применявшийся, например, в фильме «Матрица».

с оглушительным грохотом – раз, второй, третий. Лина не почувствовала пуль, что прошли ее тело. Она увидела, как Виктор скользит в сторону, уходя с линии атаки. Ударилась о стол, перелетела через него и рухнула на пол.

Виктор наклонился над ней.

– Ты так и не научилась тормозить, девочка, – сказал он.

Лина попыталась ответить, но ледяные губы не слушались. Волна запоздалой боли прокатилась по всему телу. Свет померк. Лина в последний дернула ногами и затихла.

– Конец первого этапа, – Виктор Дельгадо улыбнулся. – Можно пить шампанское.

* * *

Виктор смахнул аппаратуру с каталки на пол, поднял Лину, положил ее на каталку, отдрал застёжки-липучки, стянул с девушки куртку. Три дырки, чёрт! Одна в плече, две в грудной клетке справа. Проникающее ранение, гемоторакс, само собой. Слава Богу, в сердце не попал. Он все еще неплохой стрелок. Пока жива, но если не принять мер, умрет минут через десять, никакая регенерация не поможет.

Быстрее, быстрее! Виктор мчался по коридору, толкая перед собой каталку. Все, кажется, предусмотрел, и вот на тебе – девочка изувечена больше, чем того бы хотелось. А она еще нужна – всего лишь на два дня, дальше, понятно, в распыл ее, в дезинтегратор, но два дня очень важны. Все это дешевый выпендрей – пистолет, разговорчики. Можно было обойтись обычной инъекцией. Но ведь скучно – просто так. А какой шикарный спектакль получился, какие страсти, какой адреналинчик, разве забудешь такое?

Он ворвался в операционную, схватил Лину, грубо, не церемонясь, кинул на стол ее бесчувственное тело, зажег лампы, сдернул с девушки остатки одежды. Хороша девочка. Была хороша... Ладно, найдет он себе еще сотни самок, самочек – любых, каких пожелает. Так, так. Первым делом, конечно, интубация, трубка в трахею, чтоб не задохнулась. Отлично! Герметично заклеим дыры свистящего пробитого легкого. Готово. Пули достанем потом, если понадобится... понадобится вряд ли, дезинтегратору все равно что перерабатывать. Инъекции кардиостимуляторов, релаксантов, бронхолитиков, гепарина и всего остального, что положено. Сделано. Теперь, само собой, – большую, удвоенную дозу нейролептика. Пусть девочка поспит как следует – не дай Бог такой монстрице очухаться – все на Слоне разнесет...

Виктор обвел глазами мониторы. Жизненные функции Лины улучшались на глазах. До нормы, понятно, еще далеко, но уже ясно, что жить будет. Вот они, стансовские гены-генчики. Чудо в каждой клетке организма, сокровище, которому нет цены.

– Я тоже буду таким, – вслух сказал Виктор Дельгадо – Я буду еще лучше, чем она!

Эйфория захлестнула его сердце горячей волной. Давно он не испытывал столь истинной, столь чистой, столь заслуженной радости.

Он подошел к клавиатуре и ввел программу. Массивные захваты из зеленого пластика нависли над операционным столом, опустились вниз и прижали девушку к столу, повторив очертания ее тела.

Вот так. Только так. Даже если девочка придет в сознание, если утилиты детоксикации разрушит нейролептик в крови раньше запланированного срока, никуда она не уйдет. Полежит здесь, подождет его, Виктора, потому что для того, чтобы сдвинуть эти фиксаторы, нужно усилие в несколько тонн.

А он, Виктор, пойдет. Потому что ему пора обедать. Он пообедаст, послушает хорошую музыку, выпьет шампанского, отпразднует очередную победу в компании лучшего из друзей – самого себя. Потом отдохнет, поспит пару часиков. И лишь потом вернется к прерванным делам.

Теперь он может позволить себе не нервничать и не спешить. Потому что никто не стоит с ножом у него за спиной. Ему наконец-то спокойно и уютно.

Виктор потянулся, зевнул и отправился на кухню – давать автомату заказ.

* * *

Форель, запеченная с французским сыром – длинные розовые полоски в обрамлении шпината, сельдерея и кусочков лимона, на краешке блюда – аккуратная горка дижонской горчицы. Салат Nicoise – печёные сладкие перцы, зеленый салат, яйца, скумбрия со специями, оливковое масло. Бутылка брютa Gosset Grand Reserve в ведерке со льдом. Неплохой обед... Пражский симфонический в полном составе застыл на сцене – замороженная голограмма, ждущая призыва к действию. Виктор не спеша достал бутылку, обтер ее салфеткой, негромко хлопнул пробкой. Налил шампанское в фужер, пригубил. Прекрасно, прекрасно, маэстро Микулаш! Ваше здоровье, маэстро! Виктор сел на стул, расправил на коленях салфетку. Взял в правую руку нож, в левую вилку. И взмахнул ножом, как дирижерской палочкой.

Тихо вздохнули скрипки. Проснулся альт, повел свою нежную линию. Басы вздрогнули и эхом отразились от стен. Виктор отрезал кусочек форели, отправил в рот и зажмурился от удовольствия.

Большой триумф у него еще впереди. Но и малый, негромкий триумф, осознание качественно выполненной работы, стоит многого.

Виктор вдруг подумал о том, что не помнит, когда ему было так радостно, так хорошо, как сейчас. Может быть потому, что всегда его окружали люди, с которыми приходилось говорить, общаться, врать и выслушивать их вранье, которые зависели от него и от которых – что уж там скрывать – зависел он, Виктор. Он мучался, ощущая чужие враждебные ауры, никогда не мог по-настоящему расслабиться, предаться отдыху и спокойствию.

Теперь он был один. По-настоящему один – впервые за многие годы.

Странная горечь... Дурное тухлое послевкусие на корне языка. Чёрт, что такое? Испорченная рыба? Этого просто не может быть, не может, кухонный агрегат на такое не способен. Агрегат Виктора стоит дороже, чем два итальянских ресторана, вместе взятых.

Виктор открыл глаза и подавился. На тарелке вместо форели корчились белые плоские черви, каждый длиной в ладонь.

Виктор вскочил на ноги, с грохотом уронив стул. Проморгался. Черви исчезли, снова появилась обычная рыба.

Виктор зло швырнул на стол вилку и нож, глянул на валяющийся стул, схватил его за ножки и со звоном снес со стола всю посуду. Бешено сдернул скатерть, попытался разорвать ее единым движением, не получилось. Прочная ткань, крепкий лен.

Есть ему больше не хотелось.

Дьявол! Испортили весь обед! Они у него еще попляшут!

Кто «они»? Какая разница? Если наличествует вина, найдется и виноватый.

Он снова резко осознал свое одиночество – на этот раз без удовольствия, с неприятным перебоем в сердце. Чертов ниггер мертв, лежит с развороченной головой. Виктор и девчонка в коме – вся компания на астероиде. Некому даже треснуть по загривку, чтоб успокоиться.

Оркестр вошел в фортиссимо – слишком громкое, режущее уши, бьющее по натянутым как струны нервам. Виктор цапнул пульт, нажал кнопку, сцена опустела. Виктор вздохнул с облегчением.

Спокойно, спокойно. Глисты в тарелке – вульгарная галлюцинация. Сам виноват. Довел себя работой до нервного истощения, удивительно еще, что не чудятся фиолетовые черти и красные слоны.

Виктор побрел к бассейну, на ходу сдирая одежду. Охладиться немножко, поплавать всласть. Взбодрить затекшие мышцы. Это всегда помогало.

Он прыгнул, оттолкнувшись от борта, торпедой вошел в прозрачную воду. Работая ногами, двинулся вниз, ко дну. И едва не захлебнулся от отвращения.

Все дно бассейна было усеяно извивающимися длинными тельцами бледных глистов.

Виктор вылетел из бассейна как ошпаренный, помчался прочь – голый, мокрый. Споткнулся, упал, проехал по полу животом, ободрал локти, поднялся снова... Добежал до двери и остановился, сжимая кулаки. Он чувствовал себя униженным; единственное, что смягчало кипящую злость – то, что никто не видел его позора.

– Отлично! – сказал голос у правого уха. – Здорово, правда? Молодец, старикан. Умешь, если захочешь.

Виктор обернулся, автоматически занял боксерскую стойку. Пусто. Никого.

Вот оно, приплыли. Глюки во всей своей красе. Похоже, без лекарств не обойтись.

– Чего тарачишься? – снова прозвучал голос, на этот раз с оттенком ехидной иронии. – Хочешь увидеть меня?

– Я уже насмотрелся на тебя, серв, – холодно сказал Виктор. – Насмотрелся досыта. Пару часов назад я продырявил тебе башку, и не пытайся убедить меня, что ты не мертв. Что за фокусы? Ты оставил свой виртуальный образ в центральном сервере? Устаревшая, кретинская шутка.

Голос несомненно принадлежал Тутмесу. Вычистить образ из сервера – плевое дело. Дай Бог, чтобы строптивый поганец не оставил ему более неприятных сюрпризов. Он мог.

– Я не Тутмес.

– Кто же ты? Почему говоришь его голосом?

– Потому что у меня нет своего. Кроме того, за последний год я привык к голосу Тутмеса.

– Кто ты?

– Ты меня видел. Здесь, на астероиде.

– Здесь нет никого живого, кроме меня и Лины.

– Есть. Ты забыл о том, что на Слоне обитает тридцать девять биообразцов.

– Тридцать восемь.

– Тридцать девять, – настойчиво повторил голос.

– Ах да... – Виктор махнул рукой. – Еще эта дрянь, как там ее... Плателла. Глиста в аквариуме. Ты хочешь сказать, что это она говорит со мной?

– Не она, а он. Я гермафродит, так что правильнее было бы называть меня «оно». Но я привык, что меня зовут «Хозяин», в мужском роде.

– Это я – хозяин!

– Был. Теперь ты принадлежишь мне. Будешь моим рабом.

– Чушь...

Виктор опустил руки, пошел к одежде, брошенной у бассейна. Надо же, чего придурок-серв напридумывал... Фантазия у него работала неплохо, изобретательно, ничего не скажешь... Но быть рабом глисты – это чересчур. Бредово, неэстетично.

Натянул штаны, прыгая на одной ноге, накиннул рубашку, сразу же прилипшую к мокрой коже. Не одевая носков, сунул ноги в туфли. Быстрее уйти отсюда, из зала. Поганец Тутмес изгадил лучшее место на астероиде. Принять успокоительное. Поспать часиков десять в обстановке искусственного сна – сам Виктор сейчас вряд ли заснет. И все придет в норму. Да, вот что еще – запустить тестирование всех компьютеров. Пусть найдут то, что оставил после себя мятежный серв, вычистят все до последнего бита.

– Спать будешь потом, – флегматично сообщил голос. – У нас с тобой неотложные дела.

– Пошел вон, фантом.

– Иди в восьмой блок, раб. Хочу, чтобы ты меня навестил. Прямо сейчас.

– Пошел вон.

– Я же сказал – иди в восьмой блок! – голос стал резче, расстался с мягкими интонациями Тутмеса. – Бегом! Мне надоело ждать.

– Пошел... – буркнул Виктор и заткнулся, шершавый ком застрял в его глотке. Ноги пришли в действие – понесли его к выходу из зала, сначала неуверенным, спотыкающимся шагом, затем перешли на бег. Виктор пронесся черед дверной проем и побежал по коридору.

Он старался изо всех сил – затормозить, остановить непослушные нижние конечности, но они и не думали слушаться его – отмахивали по полу шаг за шагом.

Виктор ворвался в восьмой блок едва переводя дыхание. Давно он не бегал так быстро. Пот заливал его лицо.

– Неплохо, неплохо, раб. Ты спешил изо всех сил. Но все же вел себя строптиво, и потому заслуживаешь наказания.

Виктор не успел ответить – его правая рука сжалась в кулак, поднялась и въехала в его же скулу – раз, еще раз... Виктор не удержал равновесия, рухнул на пол. Скорчился в позе зародыша и заскулил как побитая собака.

– Эй, ты, вставай, – сказал голос. На этот раз голос самого Виктора. – Давай, давай, шевелись, хватит притворяться!

Виктор отжался от пола, приподнялся. В голове шумело, скула отчаянно болела, во рту застыл железистый вкус крови.

– Вставай, дрянь, – презрительно сказал голос. – Прощаю. Но учти – в следующий раз наказание будет более справедливым.

Боже! Его же, Виктора, слова, совсем недавно сказанные им справедливо побитому Тутмесу.

– Встань и иди к аквариуму. Погляди на меня.

Виктор встал и пошел. На этот раз без принуждения, даже торопясь. Неужели глиста в самом деле командует им? Очень даже вероятно, почему бы и нет, чего только в этом безумном мире не случается. Схватить что-нибудь тяжелое – вон тот диск от центрифуги, ударить им по аквариуму. Следующий удар – по глисте. Глисту – всмятку. Короткое решение дурацкой проблемы. Потом уже разберемся, что это было на самом деле.

Пальцы Виктора метнулись к диску и застыли, наткнулись на невидимую твердую преграду.

– Э, нет, – насмешливо сказал голос. – Не так резво, глупый человечиска. Убить хиту сложнее, чем ты думаешь. Впрочем, разрешаю попробовать.

Преграда исчезла. Виктор вцепился в массивную, килограммов на пять, круглую железяку, поднял ее, начал размах. И уронил диск себе на ногу. Упал на колени, воя от боли и бессилия.

– Хорошо! – простонал голос, изнывая от наслаждения. – О, как хорошо!

– Чего тебе нужно? – прохрипел Виктор. – Если тебе нужен раб, зачем ты калечишь его?

– А зачем ты калечил беднягу Тутмеса? Чтобы получить удовольствие. Истинное удовольствие.

– Как ты это делаешь?

– Очень просто. Вспомни, как ты делал это сам. Хороший удар – и человек в нокауте.

– Я о другом. Как ты заставляешь меня выполнять свои приказы?

– Я – хиту. Мы умеем делать это, человек. Для нас это просто.

– Плоские черви не могут быть разумными, – сказал Виктор, упорно пытаясь удержаться на сужающемся пяточке рассудка. – У них нет мозгов. Это технический фокус. Чертов Тутмес имел достаточно времени, чтобы подготовить мне гадость. Похоже, он ее подготовил. Но я не настолько туп, чтобы не справиться с ней.

– Я не земной червь. Я – хиту, древнее создание. И не заблуждайся насчет мозгов. Можешь считать, что весь я – сплошной мозг. Мне не нужны органы пищеварения, конечности для передвижения, глаза, нос и прочие примитивные органы чувств. Тот, в ком я живу, отдаёт мне всё – жизненные соки, энергию и силу.

Виктор, кряхтя от боли, поднялся на ноги, доплелся до кресла. Осторожно стащил носок со ступни, ощупал ее пальцами. Здоровенный синяк, но переломов, кажется, нет. Повезло хотя бы в этом.

Повезло... О каком везении вообще можно говорить?

Думать как можно меньше. Вообще не думать. Эта тварь читает его мысли, а потому отключить вербальный уровень, пусть работает подкорка, подсознание подскажет, что делать.

– Ты жил внутри пальцеглаза? – спросил Виктор, стараясь изобразить спокойную заинтересованность. – Как же получилось, что он оторыгнул тебя?

– Я просто вышел из него. Решил сменить дом. Твари, которых вы называете пальцеглазами, – хорошее обиталище, они дают много радости. Но я заглянул внутрь Тутмеса и увидел то, чего не видел никогда. Вы, люди, даете радости много больше. Вы поистине идеальные рабы.

– Раб, – сказал Виктор. – Ты все время произносишь слово «раб». Хочешь сказать, что пальцеглаз был твоим рабом?

– Да, да, человек. Сильный, быстрый пальцеглаз был моим рабом. Он делал то, что я хотел. Он кормил меня. Радовал меня каждый день.

– Значит, ты паразит, живущий внутри хищника?

– Я хозяин хищника, – сказал хиту. – Я мог бы обидеться на слово «паразит», но это не имеет смысла. Всё равно что считать паразитом шофёра, управляющего машиной и получающего удовольствие от большой скорости. Считать его паразитом машины. Может быть, машина имеет на этот счет собственное мнение. Вполне вероятно, что она вовсе не хочет мчаться со скоростью сто двадцать миль в час, она предпочитает отдыхать в гараже и размышлять о сущем. Но кто ее спрашивает? Она лишь вместилище для хозяина, снабженное теми удобствами, что положены хорошему автомобилю.

– Ты говоришь как человек, – сказал Виктор, упрямо мотнув головой. – Раб, шофер, машина, сто двадцать миль... На Стансе нет ничего подобного. Я думаю, что ты, болтливый червяк, – наведенная галлюцинация. Или, может быть, мой собственный бред. Если я сбрендил окончательно, то стоит признать именно это, и не сваливать вину на разумных червей с планеты Станс.

– Ты дурак, человек, – сказал голос. – Ты брыкаешься, сопротивляешься, упираешься четырьмя копытами, как земной осел. Выстраиваешь вокруг себя непрочный, готовый упасть от малейшего дуновения забор. Отгораживаешься от того, что является очевидным. От того, что на обнаруженной вами планете все-таки есть разумная жизнь. От того, что вы не смогли найти разумную расу Станса. От того, что эта разумная раса совсем не похожа на вас – прямоходящих, бесполезно-огромных, бездумно плодящихся и привязанных к своим техническим устройствам. Хочешь, я скажу, что пугает тебя больше всего? То, что ты, крутой Виктор Дельгадо, продумывающий все и вся, считающий себя застрахованным от случайностей, вляпался в дурацкую историю, не положенную тебе по статусу. Ты давно привык считать себя великим, но вот вляпался в кучку дерьма и неожиданно утонул в ней с маковкой. Ты еще надеешься, что выплывешь, но надежды твои беспочвенны. Ты еще не представляешь, во что вляпался.

– Ты уже год сидишь в этом аквариуме? – спросил Виктор, махом отменяя выпренные слова фантома. Виктор собирал информацию, и информации для того, чтобы отчаяться, пока было недостаточно.

– Нет. Сюда я попал только перед твоим прилетом. Весь год я жил внутри Тутмеса. Это было весьма интересно. Я узнал многое о вас, человечках.

– Если ты тварь со Станса, почему Тутмес не погиб сразу? – продолжил допрос Виктор. – Соприкосновение со стансовской жизнью смертельно для землян.

– Я знаю. Но к хиту это не относится. Хиту держат под контролем все, что считают нужным.

– Там, на Стансе, подобные тебе живут только в пальцеглазах?

– Не только. Хиту живут в любых больших хищниках. Мы живем, радуемся жизни и меняем обиталище каждый раз, когда радость, которую оно дает, становится слишком малой.

– Ты говоришь о радости. Что ты называешь этим словом?

– Ощущения. Азарт погони за жертвой, удовольствие от вкусной еды, экстаз обладания самкой... Эмоции хищников несложны, но чисты. Они очень важны для нас. Это изысканная приправа к пище, коей являются соки животных, в которых мы обитаем.

– Ты так хорошо говоришь на человеческом языке. Можно подумать, что ты говорил на нем всю жизнь.

– Я говорил на нем целый год, пока жил в Тутмесе. Для хиту это более чем достаточно. Знания Тутмеса стали моими, а он знал много, очень много. Каждый из хиту живет сотни лет, меняя при этом сотни обиталищ, и помнит любой миг своей жизни. У нас хорошая память – вы, человечки и мечтать о такой не можете.

– Как случилось, что твоим обиталищем стал Тутмес?

– Я был испуган, когда пальцеглаза, в котором я обитал, поймали люди. Я не мог сбежать, я затаился. И был потрясен, когда услышал мысли и чувства людей – еще там, на корабле, который вез меня на Землю. Разумные существа – и не черви! Я представить себе такого не мог! Десятки разумных существ, тесно собравшихся на малой площади – примитивных, подчиненных необходимости таскать с собой свое огромное тело, не умеющих читать мысли, и все же мыслящих! Я услышал чувства, которых не слышал никогда доселе. Это было для меня новым блюдом – невиданным яством, рядом с которым все, что я испытал в своей долгой жизни, казалось пресным и скучным. Я возрадовался. И понял, что следующим моим обиталищем станет человек.

– Им стал Тутмес.

– Стал. Наверное, мне стоило сменить обиталище раньше, но я не спешил. Впрочем, это не имело значения. Я слышал мысли и чувства человека Тутмеса, находясь в пальцеглазе, я управлял действиями Тутмеса, хотя он и не подозревал об этом. Когда я решил, что пора, я вышел из пальцеглаза и занял место в человеке.

– Чем же Тутмес перестал тебя устраивать?

– Он доставлял немало радости. Но ты даешь больше, много больше.

– Не понимаю... – Виктор помотал головой. – Что именно тебе нужно, червь? Чего ты хотел от Тутмеса? Чего хочешь от меня? В чем состоит твоя радость?

– В твоём унижении.

– Унижении? – Виктор скептически хмыкнул. – Все-таки ты галлюцинация, и я выведу тебя на чистую воду. При чем тут унижение? Не хочешь ли ты сказать, что в прежней своей жизни унижал неразумных стансовских хищников?

– Нет, конечно. Увы, их нельзя унижить, нет у них такого чувства. Но войдя в человека, я познал новые изысканные блюда. Гнев, злость, стыд, разочарование – сокровища для настоящего гурмана.

– Тебе нравится страдать?

– При чем тут я? Страдать – это твой удел. А я буду внимать твоим мукам, наслаждаться их силой и чистотой. Меня приведут в восторг твой страх, твоя боль, твое ощущение полной беспомощности. Твое понимание, что рухнули все планы, что ты упал с вершины мира в выгребную яму, стал нижайшим из отбросов и нет больше надежды. Это моя еда, человек.

Виктор закрыл глаза, нажал на веки пальцами, радужные круги поплыли в крошечной темноте.

Наваждение. Дурацкое наваждение.

Нет, не стоит обманывать себя. Это все же реальность. И его, Виктора, задача – справиться с этой реальностью. Устранить ее, как устранял он все, что мешало ему в жизни.

– Значит, во всем виноват ты, хиту? – спросил Виктор. – Это ты управлял событиями на Слоне?

– Да. Я спланировал все, что произошло. Здесь, на астероиде, два месяца шел спектакль с участием трех актеров, и ты полагал, что являешься его постановщиком. Ты ошибался. Режиссером был я. Я давно приметил тебя – еще тогда, когда ты общался с Тутмесом по видеофону. Я положил на тебя глаз. Ты алмаз в моей коллекции, надменный хай-стэнд, мизантроп и блестящий ученый Виктор Дельгадо. Адекватно унизить особь, ценящую себя столь высоко – высшее искусство. Два года, пока Тутмес жил на Слоне в одиночестве, я вынужден был ждать. Но пятьдесят один день, проведенный в твоей компании, с лихвой компенсировал мой голод.

– Почему ты оказался в аквариуме? – перебил его Виктор. – Ты, кажется, должен был жить внутри Тутмеса?

– Я знал, что оставаться в Тутмесе опасно. Предчувствовал, что ты будешь избивать его при любом удобном случае, и не хотел пострадать при этом. Я весьма живуч, могу пролежать на открытом воздухе почти сутки, такое бывало в моей жизни не раз. Но подстраховаться не мешает, согласишься, особенно если имеешь дело со столь злобной бестией, как Виктор Дельгадо. Ваша цивилизация развилась до такой степени, что червей-лентецов можно содержать в комфортных условиях. И я позволил себе отдельный, хорошо обустроенный аквариум.

– И что? Теперь мне предстоит возить этот аквариум с собой?

– Не надейся, – Хиту сухо рассмеялся, кашляющий его смешок точь-в-точь напоминал сардонический смех Виктора. – Я буду в тебе, раб. Буду до тех пор, пока не решу сменить раба. Только не думай, что я когда-нибудь оставлю тебя и уйду. Я уйду не раньше, чем прежний раб умрет тяжелой, отвратительной смертью. Ты убил Тутмеса, и я познал смерть раба. Это оказалось пиком наслаждения, человек. Тем, ради чего стоит жить.

– Ублюдох, – просипел Виктор, содрогаясь в желудочных спазмах. – Сгинь, наваждение. Сгинь к чертовой матери.

– Ты уже унижен, – прокомментировал червь. – Ты напрудил в штаны, от тебя воняет. Неплохо для начала. Пожалуй, прелюдию пора заканчивать. Иди сюда, человек, приступим к первому акту.

– Не пойду, – шепнул Виктор, наблюдая, как ноги вздергивают его вертикально вверх и делают первый шаг, как руки вытягиваются вперед, тупо скрючив пальцы. – Нет. Нет...

– Иди, человек. Иди.

– Почему ты не взял Лину? – спросил Виктор, шагая вперед тяжело, неуверенно, подобно киношному зомби. – Она красивая, здоровая. Ее можно унизить сильно, изящно, затейливо. И жить в ее теле много лет, много больше, чем в моем ...

– Она не подходит мне. Не хочу брать в рабы тех особей, что не познали удовольствия от унижения других. Девушка слишком молода, слишком чиста. Она не переступала через трупы врагов. Слишком пресная пища. Она в подметки тебе не годится. Ты в состоянии оценить мой комплимент, человек Виктор? На твоём месте я бы гордился.

– Возьми Лину. Пожалуйста...

– Хватит болтать! – рявкнул голос. – Подними крышку аквариума.

Виктор не мог вымолвить ни слова – язык отказался слушаться. Слезы лились по его щекам, оставляли на них горячие дорожки. Дрожащие пальцы отщелкивали фиксаторы, прижимающие крышку – один за другим. Нажатие на кнопку, и крышка плавно поднялась вверх.

Червь уже отцепился от питающей его трубки, плавал в густой зеленой жидкости. Затхлая вонь ударила в ноздри Виктора.

– Возьми меня, человечек. Возьми. Только аккуратнее.

Аккуратнее... Будет тебе аккуратнее. Раздавить проклятую глисту. Сломать барьер, вырваться хоть на миг из тисков чужой воли. Всего лишь секунда – ему хватит...

– Давай быстрее, мне надоело плавать в этом прокисшем супе. Хочу в тебя, человечек.

Виктор опустил руку в противно теплый гель, медленно обхватил червя пальцами. Раздавить тварь, использовать последний шанс. Тело хиту оказалось неожиданно жестким. Виктор стиснул зубы, резко вдохнул и бросил всю силу, всю волю и ненависть в пальцы. Бесполезно. Мышцы не отреагировали – даже, кажется, расслабились еще больше.

– Теперь это мои мышцы, – сказал червь. – Ты будешь делать ими то, что я захочу. Вытаскивай меня.

Виктор поднял руку. Червь свисал с его ладони с двух сторон, пульсирующие волны пробежали по плоскому членистому телу, струйки зеленой слизи стекали обратно в аквариум.

– Хозяин, – произнес глест. – Скажи: «Хозяин».

– Хозяин, – как эхо, отозвался Виктор.

– В каждом доме должен быть хозяин. В твоём доме хозяин – я. Отныне и до самой твоей смерти.

– Ты – Хозяин.

– Отлично, человечек. Ты становишься понятливым. А теперь открой рот.

Виктор, цепенея от ужаса, открыл рот.

– Шире! Так я не пролезу!

Челюсти Виктора раздвинулись, словно их растащили домкратом. Хрустнуло в ушах, боль пронзила распяленное лицо сверху донизу. Как можно проглотить такое – огромное, жесткое?! Эта тварь распорет его глотку, разорвет в ошметки пищевод, пробурявит желудок...

Лентец поднял головку, оснащенную тремя крючковатыми челюстями.

– Пора, человечек. Я иду домой.

Рука Виктора поднялась и запихнула червя в рот.

И настал ад.

День 52

Лина не сразу поняла, где находится. Сознание наплывало волнами, прорезалось мучительной болью и уходило, возвращая Лину в благодатное бесчувствие. Ферменты в крови трудились, перемалывая молекулы нейролептика, паузы забытья становились все короче, и наконец Лина осталась наедине с безысходной реальностью.

Она лежала голая, распятая, намертво пригвожденная к столу тяжелым фиксатором. Пластмассовая трубка торчала в ее горле, шла в трахею, аппарат искусственного дыхания мерно нагнетал воздух в легкие, раздувал их, как меха. Каждый вздох отдавался сотней раскаленных игл, пронзал грудь насквозь.

Лина попробовала пошевелить пальцами – получилось, но не дало ничего. Предплечья и голени были прижаты к столу теплым, нагретым от кожи пластиком. Лина почти не чувствовала своего затекшего тела.

Она вспомнила все – как Виктор обманул ее, как убил Тутмеса, как приговорил к смерти ее, Лину и как привел приговор в исполнение. Она осталась жива. Сколько времени прошло? Черт знает... во всяком случае, достаточно, чтоб организм начал восстанавливаться.

Он оставил ее в живых – надо думать, не нечаянно. Это означало, что скоро он придет сюда. Чтобы добить? Не сразу, Лина, не сразу. Сверхрациональный Вик не делает впустую ни единого движения. Он оставил Лину для очередных опытов, и нетрудно догадаться, что на сей раз не будет никакого снисхождения – вивисекция, расчлененка вживую, вот что ее ждет.

Первым делом – убрать проклятую трубку. Она мешает думать, сводит с ума мерным возвратно-поступательным движением воздуха. Лина сжала трубку губами, вытянула их вперед. Внутри горла что-то противно сдвинулось, отлепилось от стенок трахеи, Лина дернулась от боли. Втянула губы назад, снова сжала трубку, вытянула ее изо рта еще на сантиметр. Больно, больно...

Ни выругаться, ни помолиться – голосовые связки растянуты трубкой, бесполезны. Только терпеть – минуту за минутой, сантиметр за сантиметром.

* * *

Виктор лежал на полу с широко раскрытыми глазами, с открытым ртом, лужица запекшейся крови окружала его голову бурым ореолом. Он глядел прямо в потолок, но не видел его. Виктор находился в чужом сознании, в чужом теле. Был вне себя – настолько, насколько это вообще может быть.

Он – Тутмес, он стоит на коленях. Ненавистный Виктор Дельгадо нависает над ним, орет в истерической ярости, брызгает слюной, размахивает кулаками. Тутмес знает, что способен вскочить на ноги, ударить Виктора, даже убить его, несмотря на присадку «serve». Потому что присадка давно уже не работает – Хозяин намного сильнее ее. Истинный Хозяин. Старый белый червь.

– Склонись ниже, человечек Тутмес, – голос истинного Хозяина. – Подставь свою бритую черепушку – пусть пнёт по ней как следует. Ты это заслужил...

Удар, раскалывающий мозг подобно молнии. Грохот, страх, боль, бессильная обида, не имеющая выхода ненависть. Черная воронка затягивает его, раскручивает как волчок, выкидывает в другое место, в другое время.

Он снова стоит на коленях, острые камни впиваются в кожу, теперь запястья его связаны грубой толстой веревкой. Конец веревки держит в коричневой руке Тутмес. В другой руке Тутмеса – древний, выдавший виды автомат. Тутмес одет в балахон до пят – некогда светло-голубой, теперь невероятно грязный. На голове Тутмеса – клетчатая арабская накидка с двой-

ным черным обручем. Почему-то Виктор знает, что Тутмеса сейчас зовут Мохаммедом, а еще раньше звали Асэбом. А он, Виктор, находится в теле Джона Чейни, американца, лейтенанта из батальона Международного Сдерживания.

– Ты грязная американская свинья, – говорит Мохаммед-Тутмес. – Мне платят за то, чтобы я убивал таких неверных свиней как ты. Но это неинтересно – просто убивать, понимаешь? Я никогда не убиваю просто. Когда ты загнал в сарай две сотни жителей из Эмбео, запер и сжег их, ты ведь не думал о Сдерживании, правда? Ты думал о своем удовольствии, грязный кафир. Тебе нравится запах жареного человеческого мяса. Сейчас ты нанюхаешься его вдоволь, только мясо будет твоим. Ты сам разожжешь костер...

– Это воспоминания, – снова голос Хозяина. – Но и в проигрывании старых записей можно найти немалую радость. Доставь мне удовольствие. Разжигай огонь для себя, гори подольше, кричи погромче, мучайся. За это я отпущу тебя. Отпущу на тот свет. Но не сейчас, конечно – ты еще должен мне послужить.

* * *

Лина кашляла долго, сухо, лаяла подобно собаке, никак не могла остановиться. И все же это было лучше, чем ощущать чужеродность жесткой трубки в горле. Теперь она дышала сама. Сама.

Она перевела дух только минут через десять. Благодатная слюна медленно наполнила рот слюной, смочила высохший до скрипа язык. Кластер регенерации продолжал свою работу.

Что в том толку? Выздороветь здесь, зажатой в тисках, распятой как лягушка для препарирования? Ей нужна сила.

Лина подергала руками и ногами – бесполезно, движение ограничено миллиметрами. Единственное свободное пространство – вокруг головы. Головой можно крутить как угодно. Лина подняла голову вверх, уперлась лбом в нависающую часть фиксатора. Она знала эту конструкцию – не раз уже лежала под колпаком, приходя в себя после очередной присадки. И всегда приходил Тутмес, милый старина Тут-как-тут, освобождал ее от оков и вел под ручку в свою комнату, что-то добро шепча на ухо.

Больше он не придет.

Пусть придет пальцеглаз. Здесь ему негде разогнаться, добраться до скорости, запускающей переключатель. Но пусть он все же придет, поможет ей. Потому что он там, внутри нее, спит как зимний сурок. И потому что больше помочь некому.

Разбудить пальцеглаза.

* * *

Виктор встал, медленно добрал до зеркала в стене. Смертельно бледная физиономия, остекленевшие глаза, потеки крови из уголков рта. Сгорбленная, лишенная силы фигура, руки, висящие как сухие плети. За несколько часов он постарел на двадцать лет.

– Что дальше, Хозяин?

– Ты приведешь себя в порядок. Ты неважно выглядишь, человек – не хочу, чтобы Шон испугался, увидев тебя. Он прилетит через три дня, если я не ошибаюсь?

– Да, Хозяин.

– Он доставит тебя на Землю. И там начнутся наши увлекательные приключения.

– Но мои исследования, их нужно закончить...

– Забудь о них. У меня есть план собственных исследований. Ты вхож в высшее общество. Вероятно, там найдется немало особей, подходящих мне в рабы. Впрочем, возможен и другой

вариант – посадить тебя в тюрьму. Думаю, власти сделают это с большим удовольствием. Как насчет явки с повинной?

– Только не это! – умоляюще выкрикнул Виктор. – Прошу вас, Хозяин, прошу нижайше...

– Заткнись. Мы весело проведем время.

* * *

Пальцеглаза завалило камнями – накрыло обвалом, сошедшим со склона. Не убило, не покалечило, всего лишь обездвигило. Так вот удачно.

– Тебе повезло, пальцеглазик, – прошептала Лина. – Выбирайся, милый уродец. Выбери-райся.

Пальцеглаз лежал и собирался с силами. Лина обнаружила, что он вовсе не обескуражен. Конечно, не было на самом деле никакого пальцеглаза, была лишь девушка Лина, вообразившая стансовскую тварюгу внутри себя. Но для Лины пальцеглаз был реальнее всего на свете – она отдала ему инициативу и ждала, когда он начнет действовать.

Пальцеглаз дернулся. Вибрация сотрясла ноги и руки Лины. Мышцы ее начали сокращаться и расслабляться – все быстрее и быстрее – до судорог.

Волна жара прошла по телу Лины. Она закусил губу, стараясь сдержаться от крика. Но через полминуты сдалась – завопила во всю глотку.

Она не представляла, что это будет так больно.

* * *

Крик отвлек внимание Виктора, заставил его повернуть голову к монитору. Экран показывал медицинский отсек, где находилась Лина – операционный стол, покрытый зеленым колпаком. Колпак дрожал, ходил ходуном.

– Хозяин, простите... Там, в медотсеке, Лина. Она проснулась!

– Я вижу, человек. Она проснулась, да. И что с того?

– Мне нужно пойти туда. Можно, Хозяин?

– Зачем?

– Ее нужно устранить. Убить.

– Убить? Кому это нужно?

– Мне. И вам, Хозяин. Мы с вами в опасности.

– Опасности? – хиту иронично хмыкнул. – Не думаю, не думаю.

– Она переделанная. В ее генах стансовские утилиты, она убьет меня, если вырвется...

– Не говори лишних слов. Я все про нее знаю. Ты не пойдешь никуда.

– Почему?! Хозяин! Она вырвется, она способна на такое!

– А я хочу, чтобы она вырвалась. Пусть идет себе с миром.

– Но почему же?

– Потому что этого не хочешь ты.

* * *

Пальцеглаз бился в конвульсиях, мощные его ноги сотрясали камни вокруг, маленькие верхние конечности дергались, пытаясь высвободиться, голова моталась вперед-назад, шевеля жвалами.

Он разгонялся, не сходя с места. Разгонялся. Мчался по взлетной полосе.

* * *

– Хозяин, – Виктор сбился на захлебывающийся шепот, – ее нужно остановить! Она придет сюда, придет за мной, чтобы убить меня.

– Ты боишься смерти, раб? Не бойся. Считай, что ты уже умер.

– Вы пострадаете при этом! Я забочусь только о вас...

– Она не придет. Она умная девочка. Она сделает все, чтобы быстрее удрать отсюда и добраться до Земли.

– Но тогда она разболтает о моем астероиде! Разболтает всему миру!

– Она? С чего бы это? Ты думаешь, Лина мечтает о том, чтобы снова угодить в клетку? Она будет молчать как рыба. Как маленькая умная рыбка.

– О черт, черт! – Виктор обрушился кулаками на стол. – За что мне такое? Почему мне, не ей?!

– Ты вел бессовестный образ жизни, – сказал хиту. – Предавал всех, кто верил тебе, платил злом за добро, получал наслаждение, втапывая близких своих в грязь. Ты никогда не думал о воздаянии, человечиска? О возмездии не в мифическом аду, не в преисподней, а при жизни? Возмездие настало. Разве это не справедливо?

– Ты дерьмо, – прорычал Виктор. – Не тебе, презренной глисте, судить о моих поступках. Тоже мне, высшее существо нашлось...

– Ай-яй-яй, – сказал хиту. – Говоришь плохие слова, скверный человек. За такие слова следует наказывать. А ну-ка врежь себе по физиономии, да посильнее! Бей по своей наглой роже, пока я не скажу, что хватит.

И Виктор приступил к экзекуции.

* * *

Пальцеглаз перешел некий барьер, переключился на высшую скорость, и понесся гигантскими прыжками.

Пластик с треском лопнул, разлетелся на куски. Лина, не в силах остановиться, слетела со стола, помчалась по комнате и вцепилась в стену. Шкаф слетел со стены, зазвенело разбитое стекло.

Голая Лина сидела на полу, на корточках, среди осколков стекла, размазывала кровь по руке, по татуировке «Экстра-П», и по-дурацки улыбалась.

– Лес, – шептала она. – Тутмес, ты слышишь наш лес?

Она слышала лес, только вот странный неземной свист примешивался к его шуму, добавляя жуткий диссонанс.

– Иди, – шептал незнакомый голос в ее ушах. – Улетай домой, девочка. Я тебя отпускаю. Отпускаю на время...

День 54

Шон спал тревожно, ворочался с боку на бок, чесался и шумно вздыхал. Снилось ему всякая гадость – метеорит, набитый живыми мертвецами, длинные коридоры, кишачие червями. В полчетвертого он вскочил с кровати, швырнул на пол одеяло, влажное от пота, и отправился на кухню пить. Долго глотал холодную колу, никак не мог успокоиться.

Отчего его так колошматит? Из-за того, что завтра, вернее, уже сегодня утром лететь в астероидный пояс, к Виктору Дельгадо, официально почившему в бозе, а на деле живет всех живых? Ерунда, не может быть, чтоб он так дергался из-за этого. Дел-то – неделя работы по наладке компьютерной сети, и обратно домой, на Землю. Конечно, Дельгадо тип неприятный, преступник, но двести тысяч баксов – сумма, из-за которой стоит плюнуть на условности. Шон вовсе не собирается совать нос в делишки Виктора, его работа – привести в чувство компьютеры, сделать это профессионально, неважно где, хоть на астероиде, хоть в преисподней, лишь бы платили...

Шум в комнате заставил Шона вздрогнуть. Гулкий звук – словно лопнула гигантская струна. Кто-то выдавил окно и влез в квартиру? Чушь, не может быть такого – квартира на сто восемнадцатом этаже, снаружи по гладкой стене не влезешь, будь ты хоть стократ альпинистом, и стекло просто так не разобьешь – разве что из гранатомета его шарахнуть... Что там случилось? Шон цапнул со стола кухонный нож и крадучись подобно индейцу на боевой тропе двинулся в комнату.

В комнате гулял сквозняк. Шон сразу же покрылся гусиной кожей – и от холода, и от страха. Неумело выставил перед собой ножик, потянулся к выключателю, зажег свет. Так и есть – окно. Вдавленное внутрь вместе с рамой, оно скрипело и качалось на ветру.

– Эй, кто там? – крикнул Шон. – Вы что там, с ума сошли? Я вызвал полицию, она уже едет сюда!

Рама взвизгнула в последний раз и обрушилась на пол. Шон оцепенел, застыл, тупо наблюдая, как в просвете окна появляется черная фигура, прыгает внутрь комнаты.

Вот как это бывает. Шон слышал о грабителях, читал о них, но никогда не думал, что такое может произойти с ним самим.

Девчонка. Перед ним стояла девчонка – высокая, тонкая, блондинистая, затянутая в черную кожу. И в руках ее не было никакого оружия.

Пожалуй, с такой грабительницей он справится. Он не зря брал уроки джиу-джитсу. Вырубит ее, свяжет, сдаст ее полиции. Сама виновата – не подозревает даже, с каким крутым парнем связалась. Задержание преступника третьей степени... что ж, тысяч на десять потянет. Пустяк, конечно, по сравнению с теми двумястами тысяч, что, считай, уже у него в кармане, но все же приварок приятный. К тому же полторы штуки уйдет на новое окно.

– Эй, ты, – сказал Шон, – не двигайся, не вздумай даже шевельнуться. Подними лапы и встань мордой к стене, понятно? Я служил в спецназе. Если будешь себя хорошо вести – так и быть, не покалечу...

– Ты – в спецназе? – девчонка фыркнула. – В зеркало на себя когда-нибудь смотрел, рыжий? О твои ребра можно уколоться. Ты что, совсем ничего не жрешь? Или на наркотиках сидишь? Хотя нет, наркошки Вику не годятся, ему чистеньких подавай. Ты уже собрал чемоданы?

– В каком смысле? – оторопело спросил Шон.

– Утром ты должен лететь в астероидный пояс к Виктору Дельгадо. Он предложил тебе некую работенку и обещал отвалить кучу денег, якобы за конфиденциальность. Тебе не кажется, что чрезмерно щедрые посулы чреватые большими неприятностями?

– Ты... Откуда ты знаешь? Откуда ты вообще взялась?

– Неважно откуда. И я не грабитель, как ты, несомненно, подумал. Меня не интересуют твои маленькие денежки – можешь оставить их себе.

– Что же тебе нужно?

– Твой компьютер.

– Чуть какая-то... – Шон покачал головой. – Ты залезла на черт знает какой этаж, изуродовала окно, и все из-за обычного компа, который можно купить в любом магазине. Почему ты не пришла ко мне просто так, не позвонила, не договорилась?

– Ты бы испугался. Смылся бы сразу же, и в конце концов улетел бы к Вику. У меня было слишком мало времени. Я должна была взять тебя тепленьким, прямо здесь, в постельке.

– Ну, взяла. Что дальше?

– А вот что, – девушка шагнула к столу, схватила компьютер Шона – стандартный ноутбук Вэ-Вижн-III. Хряснула ноутбук о колено и разломилась пополам.

Вэ-Вижн мог свалиться с того же сто восемнадцатого этажа и остаться невредимым – корпус из углепластика, чипы, выращенные внутри, никаких механических частей, единый прочный монолит. Какую силу нужно иметь, чтобы так вот разломить комп на две части?

– Что ты делаешь? – заорал Шон и бросился на девушку.

Комп, его любимый комп, за который он выложил пятнадцать тысяч, в чьей памяти хранились все разработки за два года – уникальные, бесценные сокровища. Эта тварь убила его комп.

Девушка лишь выставила руку навстречу, и Шон отлетел к стене, шлепнулся на пол и застыл раскорякой.

– Код был там? – холодно поинтересовалась она.

– К-какой код? – просипел Шон, корчась от боли.

– Координаты астероида.

– Какого астероида?

– Не валяй дурака. Астероид, на котором тебя ждет Вик. Код – зашифрованная программа для автонавигатора скипера. Ты не держишь ее в скипере – я уже посетила твой самолетик и проверила его. Ты не можешь держать код на переносном диске – потому что программа не запишется на него, так предусмотрено. Значит, код был в твоём компе. Был...

– Дрянь! Какая же ты дрянь! – выкрикнул Шон. – Через шесть часов мне лететь, как я теперь это сделаю?

– Никак. Не полетишь никуда, и всё. Очень просто.

– Виктор сотрет меня в порошок!

– Не сотрет. Он попросту не доберется до тебя.

– Он найдет способ. Подумаешь, я не прилечу. Другой прилетит. У него таких как я – воз и маленькая тележка!

– Не думай об этом. Думай о себе.

– О себе и думаю! Я просел на кучу бабок...

– Хочешь просесть на жизнь? – Девушка подошла к Шону, наклонилась, посмотрела ему в глаза и Шон вздрогнул от ее измученного, на грани безумия, взгляда. – Смотри, парень. Я покажу тебе.

Она расстегнула молнию, распахнула куртку. Шон увидел обнаженное тело – четко очерченные мышцы, бледная, матово-молочная кожа, испещренная грубыми багровыми рубцами.

– Хороши отметины? – спросила она. – Когда я прилетела на этот астероид, была гладкой, как пластиковая куколка. Меня было приятно погладить, Шон. Теперь я вся в пробоинах. Мне повезло, я выжила... не хочу сейчас объяснять, каким образом. Не хочу, чтобы ты повторял мои ошибки. Хочу чтобы ты жил, Шон. Жил, дурачок, и наслаждался жизнью до самой смерти. Делаю тебе большой подарок. Когда-нибудь ты оценишь его, рыжий.

– Что там, на этом астероиде? – спросил Шон, не в силах оторвать взгляд от красивой упругой груди девушки. – Что там за дрянь?

– Ничего хорошего. Один выживший из ума старикан с манией величия, десятки тонн дорожной аппаратуры, и... И что-то еще. Не знаю, что именно. И не хочу знать. Я только почувствовала, что это «что-то» отпустило меня, разрешило вернуться на Землю. И за это я благодарна ему.

– Что там? Чужая форма жизни? Инопланетяне?

– Возмездие, – сказала девушка. – Думаю, это нечто вроде возмездия. Кара Виктору за все, что он натворил в своей подлой жизни. Дьявол – это зло, правда, Шон? Но у дьявола есть своя работа – он наказывает плохих. Если мы поверим в то, что будем наказаны за плохие поступки, мы подумаем, стоит ли их совершать. Так ведь?

– Ты угробила мой комп. Разве это не плохой поступок?

– Дьявол, – сказала девушка. – Дьявол иногда может быть хорошим, как ты думаешь? Если он окунает врага мордой в грязь, а к тебе проявляет сочувствие, то, может быть, он не так уж плох?

– Нет никаких дьяволов, – убежденно заявил Шон. – Чушь все это. То, что называют дьяволом, есть суть человека, биологическое его начало, стремящееся к экспансии и убийству. Для медведей не считается ненормальным убивать и пожирать себе подобных – что с медведей взять, звери есть звери. Мы постоянно забываем о том, что мы тоже звери. Звери из зверей. Мы придумываем сказки про дьявола и пытаемся свалить всю ответственность на него.

– Я слышала его, – шепнула девушка, наклонившись к уху Шона. – Он сказал: «Иди». Он пожалел меня. Мы всегда создавали своих бесов сами, не думали, что дьявол может придти откуда-то извне. Например, с другой планеты. Придти и принести возмездие. Он пришел, Шон. Он будет идти дальше.

– Ты ненормальная, – заявил Шон. – Ты вправду была там, на астероиде у Виктора? Не сбежала откуда-нибудь из психушки?

– Я была там, – сказала девушка. – Была. Дай руку, рыжий.

Шон протянул руку, девушка схватила его за запястье и подняла на ноги – легко, как пушинку. Оглядела с головы до ног, улыбнулась.

– Я спасла тебя, Шон. Спасла твою жизнь. Ты представить себе не можешь, до чего это здорово.

– Представляю... – проворчал Шон.

– Теперь ты передо мной в долгу.

– И сколько же я тебе должен?

– Кофе. Чашечку кофе. У тебя есть кофе?

– Есть.

– Какой?

– Арабика.

– Отлично. Одна чашка, и мы квиты. Тебе жизнь, мне – кофе. Классно?

– Все-таки ты шизанутая, – буркнул Шон. – Как тебя зовут, кстати?

– Лина, – сказала Лина.

ЧАСТЬ 2

Беги, Лина, беги

День 1

Лина подрулила к бензозаправке, – не самой дорогой, но все же приличной. Открыла окно, сунула карту в руку парню-заправщику. Парень заученным движением отвинтил крышку люка, вставил в него заправочный пистолет, чиркнул картой по считывающему устройству.

Лина ждала, тихо насвистывала мелодию из «Крысоловов», барабанила пальцами по приборной панели. Издавала звуки, имитирующие нормальную музыку. Проигрыватель в ее машине сдох два дня назад. Три месяца назад она, не задумываясь, отдала бы его в починку. Теперь у нее не было на это денег. Конечно, можно отнести это барахло Шону – пусть починит бесплатно, для него это суший пустяк, но вот разладилось у Лины с Шоном, разладилось напрочь. Так же, как разладилось со всеми друзьями. Старые друзья поотсыхали, отлетели, как осенние листья с дерева, а новые друзья как-то не появлялись.

– Извините, миз, – сказал парень. – У вас есть другая карта?

– А что с этой?

– Она пуста.

– Не может быть! – Лина распахнула дверь машины, едва не сшибив парня с ног, выскочила наружу. – Ну-ка, покажи!

– Вот смотрите сами, – заправщик снова провел картой по щели сканера. На дисплее высветились цифры. Несколько жалких десятков баксов.

– На сколько этого хватит?

– Меньше, чем на два литра, миз.

– Черт, почему у вас такой дорогуший бензин? Вы охренели, что ли?

– У нас недорогой бензин, миз, – сказал заправщик, невежливо ухмыляясь. – Относительно недорогой, конечно. Насколько бензин вообще может недорогим. Вы знаете выход, миз. Если хотите ездить на действительно дешевом топливе, перейдите на водород. Будете тратить на топливо в двадцать пять раз меньше, к тому же получите экологическую скидку с налогов. Бензин – удовольствие для тех, кто хорошо зарабатывает.

Прямой намек на то, что Лина зарабатывает плохо. Что, в сущности, было чистой правдой.

Лина презрительно фыркнула. Водород, сказал тоже... Это как минимум значит сменить машину. Пересесть с родной, изученной до последнего винтика немки BMW на тихоходного водородного американца – руля нет, в пузе нелепый реактор, скорость не больше сотни, запас хода триста километров... Мерзость.

И все равно, судя по всему, придется это сделать. Потому что денег осталось только на два литра бензина. И потому что ее «Бээмвэшка» стоит как три «водородника», и если ее продать, снова появятся деньги. А кушать, между прочим, тоже хочется.

И побыстрее найти работу, конечно. Только где ее найдешь – такую, какую хочется. Тем более что Лина сама представления не имеет, что именно ей нужно. Все не то, все не так...

– Ладно, – сказала Лина со вздохом, – наливай на всё, что там осталось. Кутить так кутить.

* * *

Лина сидела в машине на подземной стоянке, тупо смотрела в окно, никак не могла заставить себя выйти, расстаться с любимой тачкой – надолго, может быть, навсегда.

Все ведь так просто на самом деле. Позвонить в компанию «Скайкросс» – прямо сейчас. Позвонить, сказать, что возвращается. Она ушла спокойно, без скандала, репутация ее не подмочена, они возьмут ее назад без неистовой радости, но и без особых проблем – пилоты ее класса нужны всегда. В космос, само собой, допустят не раньше чем через полгода, да и в атмосферу – после противной двухнедельной рестажировки, но уже завтра она гарантированно получит аванс и сможет хотя бы поесть в приличном ресторане – нормальную еду, а не пропитанный жиром мусор из фаст-фуда...

Нет, нет. С нее хватит. Последний полет едва не угробил ее. Хватит.

Проблема в том, что она не может никому сказать о своих способностях. Объявление в борде: «Пробегаю мило за полторы минуты, питаюсь вкусными ядами, дышу любой дрянью». Для выступлений в цирке – в самый раз. Только кто ей даст выступить – с таким-то набором утилит? Дяденьки из ЦРУ вычислят ее за две секунды. Поймут, что она переделанная. И упекут в какую-нибудь секретную лабораторию – на всю жизнь.

Запиликал видеофон, Лина глянула на определитель. Отец. Она не разговаривала с ним уже две недели – делала вид, что связь отключена. Пожалуй, на этот раз поговорить все-таки придется.

– Привет, пап, – сказала Лина.

– Лина, нам нужно встретиться, – на экране появилось лицо отца. – Я очень беспокоюсь...

– Хорошо, пап. Хорошо.

– Через два часа. В моем офисе. Ты можешь подъехать?

– Нет, пап. – Лина потрянула головой. – То есть да, только... Мне не на что ехать, извини.

Придется тебе прислать за мной машину.

– Куда? – лицо на экране помрачнело. – Где ты находишься?

– Я буду дома.

– Ты голодная? Лина, ты ела сегодня?

– Ела. Ладно, до встречи, пап.

Лина выключила телефон.

* * *

Стопятинадцатизэтажный билдинг на Челленджер-стрит – сверкающий стеклом параллелепипед, устремленный в блеклое летнее небо, увенчанный двадцатиметровым шпилем. Три этажа в самой серединке занимает компания «Маунтин скиллз». Крупная фирма, торгующая оборудованием для альпинизма. Генеральный директор компании – Джозеф Горны.

Фамилия Лины – Гогну. Такая вот смешная фамилия. Лина Горны. А директор «Маунтин скиллз» – ее папа.

Альпинистское снаряжение доставалось Лине бесплатно – всегда, с самого детства. В последний раз она воспользовалась им в тот день, когда влезла в окно Шона. Она основательно занималась скалолазанием в детстве. Потом это надоело ей – любовь к полетам перевесила все. Теперь надоели и полеты.

«Буду путешествовать по всему миру, – вспомнила Лина слова Виктора Дельгадо, – буду в одиночестве лазить по скалам, бродить в джунглях, добывать пищу голыми руками и жарить мясо на костре».

Она могла бы делать сейчас то же самое – в этот самый момент. Висеть на веревке где-нибудь в горах Вайоминга. Медленно карабкаться вверх, подобно человеку-пауку, цепляться пальцами за малейшие трещинки в старом базальте, – бесконечно одинокая, безгранично свободная.

Только Лина вовсе не жаждала одиночества.

Она украла у Виктора Дельгадо тот дар, что предназначался только ему. И не знала, что с ним делать. Она надеялась, что время сотрет боль, выветрит кошмары из памяти, снова сделает ее нормальным человеком. Но это не произошло до сих пор, и не было надежды, что произойдет в дальнейшем. Стансовские гены, пиявками присосавшиеся к хромосомам, изменили ее личность – грустный, но уже очевидный факт. К счастью, не сделали ее злее, грубее, бесчеловечнее – чего можно было ожидать, но обострили все эмоции, превратили, в сущности, в неврастеничку. То, что раньше воспринималось спокойно, например, криминальные новости, теперь неожиданно вгоняло Лину в слезы. Ей стало трудно находиться среди людей – чувствовать их неестественность, делать вид, что не замечает обычной для людей лжи.

С ускоренной мышечной реакцией дело тоже обстояло не самым лучшим образом. В последнем своем полете на скипере Лина вдруг почувствовала неудержимое желание разогнаться до невероятной, убийственной скорости – пальцеглаз проснулся помимо ее воли. Перегрузка угробила бы всех пассажиров – примитивно, неотвратимо. Слава Богу, это был лайнер среднего класса – наличествовал второй пилот, Лина передала ему управление, сослалась на страшную боль в животе и немедленно сбежала из кабины. Нарушая все инструкции, засела в туалете до конца полета и с ужасом смотрела на свои пальцы – дрожащие от возбуждения, от желания добраться до рычагов управления и врубить скорость на самый максимум. Естественно, после приземления ей предложили немедленно пройти медкомиссию. Само собой, она отказалась. Она предпочла уволиться в тот же день.

Теоретически Лине нужно было записаться на прием к врачу, начать принимать что-то успокаивающее. Но как она могла пойти к врачу, как? Первый же анализ крови выявил бы вопиющую нестандартность в биохимических процессах, следующий – нестандарт в хромосомном наборе. Нет, нет, нет. Она дико боялась засветиться.

Ее тело стало совершенным. Но в душе царил ужасный беспорядок.

Лина хотела ступить на далекую планету – дикую, безлюдную, бесплодную. Мечтала стать одним из первых колонистов. Она проверила все – Мирта действительно существовала, и была именно такой, какой ее описал Виктор. Фотографии Мирты висели теперь над кроватью Лины, она долго смотрела на них перед сном, стараясь сдержаться от слез. Виктор подарил ей прекрасную мечту, он же цинично разрушил ее, втоптал в грязь. Виктор подарил ей новое тело и оставил наедине с ним – нечеловечески сильным, чуждым и непослушным – чтобы маяться и не находить себе места в обычной земной жизни.

Что сейчас, в настоящую минуту происходит с Виктором Дельгадо? Находится ли он все еще на астероиде? Шон не забрал Виктора оттуда, но Виктор давно мог найти способ удрать. В самом деле – что сложного, с его-то деньжищами и хорошо налаженной космической прихват-связью.

Почему Виктор до сих пор не вышел на Лину, не попытался ее убить? В его интересах – не оставлять в живых такого опасного свидетеля, как Лина.

Черт его знает... Виктор – хитрая и опытная бестия. Логику его действий нельзя просчитать и предугадать. Будем надеяться, что он сдох внутри своего астероида, что тварь, которая там появилась, убила его, потому что иного Виктор не заслуживает.

Будем надеяться.

Лина подошла ко входу и стеклянные двери автоматически распахнулись. Охранник попался знакомый, но все же пришлось приложиться пальчиками к сканеру отпечатков, вытаращиться на пару секунд в идентификатор сетчатки глаз. «Добро пожаловать, мисс Горны, рад

вас видеть. Мистер Горны ждет вас у себя. Вас проводят до его кабинета». «Спасибо, не нужно, я дойду сама». «Нет, нет, мисс Горны, таково распоряжение самого мистера Горны. Дэйв проводит вас». «Ну ладно, ладно, пошли».

Всегда так. Безопасность для отца – превыше всего. Он, видите ли, опасается налета террористов и грабителей. Знал бы, в какую историю вляпалась его непутевая доченька...

Лина невесело вздохнула и поплелась вслед за охранником.

* * *

Кабинет Джозефа Горны. Никаких новомодных скульптур-голограмм и проецируемых предметов декорации – вся обстановка натуральная, олд-фэши, то ли выполнена в стиле второй половины двадцатого века, то ли действительно является ею, то есть антиквариатом. Шкафы темного дерева вдоль стен, в них – не меньше десятка настоящих книг. Несколько массивных кожаных кресел. Вращающиеся лопасти золоченого вентилятора под потолком. Ковровая дорожка на паркетном полу ведет к тяжелому дубовому столу. За столом сидит хозяин кабинета. Аккуратно уложенные волосы – некогда светлые, а теперь просто седые, гладко выбритое подтянутое лицо, тонкие губы, близорукие голубые глаза, увеличенные толстыми линзами очков. Словом, само приличие и порядочность, воплощение моральных устоев хай-стэнда. Папа.

– Привет, доченька.

– Привет, папа.

Лина пошла к столу – знала, что отец не встанет, не поднимется ей навстречу – воспитанные дети должны знать, как вести себя со старшими. Наклонилась над столом для положенного поцелуя в щечку, села в кресло, сложила руки на коленях и уставилась в пол.

– Лина, что с тобой творится?

– Ничего, пап. Ничего особенного.

– Ты бросила работу и ничего не делаешь уже два месяца. Это что, нормально?

– Я не могу больше работать пилотом. Не могу.

– Хорошо, – Горны хлопнул ладонью по столу. – Не работай пилотом. Я всегда был против этой работы, недостойной члена нашей семьи. Слава Богу, что ты ушла оттуда. Но дальше-то что? Так и будешь бездельничать? Почему ты скрываешься от нас, почему не отвечаешь на звонки, почему, в конце концов, не придешь и не расскажешь, что случилось? Ты прекрасно понимаешь, что все мы очень переживаем за тебя, постоянно думаем, что с тобой. А ты так вот поступаешь с нами. Извини, но мне кажется, что это бессовестно с твоей стороны.

Ну вот, понеслось. Всегда одно и то же.

– Мне нужно было время, пап. Время подумать.

– Ну и как, надумала что-нибудь?

– Пока ничего.

– Ты плохо выглядишь, Лина. Бледная, худая, нестриженная. Что у тебя на голове? Что это за копна?

– Это прическа, пап. Такая прическа.

– Прическа – это вот что, – Горны провел ладонью по своим волосам. – Прическа хай-стэнда, приличного человека. А то, что у тебя там торчит в разные стороны, подходит только разве марджу.

– А я и есть мардж, – лягнула Лина.

Джозеф Горны все-таки соизволил встать – медленно поднялся во весь свой немалый рост, наливаясь гневной пунцовостью. Уперся обоими кулаками в столешницу, наклонился на дней и вперил взгляд в дочь.

– Значит, ты мардж? – спросил он тихо. – Еще скажи, что тебе нравится быть марджем.

Молчание в ответ.

– Ты – не мардж, – сказал Джозеф Горны, едва не лопааясь от сдерживаемой ярости. – Тебе повезло, Лина, что ты родилась в семье хай-стэндов, приличных людей, которые зарабатывают на жизнь своими руками и умом, не просят подачек и не сидят на шее у государства. И ты никогда не будешь марджем, потому что я никогда не позволю тебе обратиться в отдел пособий и стать на учет. Только через мой труп...

– Ладно, ладно, пап, извини. Я пошутила.

– Ты всю жизнь шутишь. Все делаешь несерьезно. Вместо того, чтобы получить хорошее образование...

– У меня есть образование.

– Что ты называешь образованием? – вскипел Горны. – Этот твой Скипер-колледж? Десять дешевых программ, списанных с диска в мозг, и год тренировок на прыгающих самолетах? Это, по-твоему, образование? Я еще раз говорю: тебе нужно поступить в хороший университет и закончить его. Вашингтон, Пристон, Мичиган, Пенсильвания – любое заведение, какое ты захочешь. По любой специальности, какую ты выберешь. Я оплачу обучение.

– Пап, перестань, – упрямо сказала Лина. – В любом университете сейчас все то же самое – инсталляция информации в память и больше ничего. Я могу пойти в любой мнемоцентр, заплатить шесть тысяч за лицензионный продукт и через шесть часов буду знать не меньше любого выпускника Оксфорда.

– Университет – это не просто получение информации. Университет – это методология. Там учат работать головой, понимаешь? После окончания университета ты станешь другим человеком.

– Я уже стала другим человеком, – вяло произнесла Лина.

– Когда? Когда ты им успела стать? На своих танцуйках в кеми-диско? Когда гоняла на машине со своими нестриженными дружками? Или когда ездила в Париж и в Вену с этим своим... как его... Борисом Долинго?

– Виктором Дельгадо. Он погиб. Разбился.

– Я в курсе. Весь мир в курсе, что он разбился, сидя пьяным за рулем, и оставил после себя долгов на пару триллионов. И что он оказался преступником первой степени. Это что, подходящая для тебя компания?

– Его уже нет, пап. Нет. Он умер.

– Слава Богу, что умер. Извини. Вас связывало что-то серьезное?

– Ничего. Он был редкостным скотом.

– У тебя есть деньги?

– Пока есть, – сказала Лина. – Немного. Хватит на пару месяцев.

Почти не соврала. Теперь она точно решила, что продаст машину. Это все же лучше, чем...

– Мое предложение остается в силе. Давай завтра же я устрою тебя на работу. В нашу компанию. Для начала – должность младшего менеджера. Но быстрый карьерный рост я тебе обещаю.

...лучше, чем это.

– Нет, папа. – Лина решительно мотнула головой. – У меня есть одно дело. Мне нужно разобраться с ним. Когда закончу, может быть, подумаю над твоим предложением.

Дело у Лины действительно было. Вот только с какого бока подступиться к нему, она пока не знала.

Начать с информации. Закачать в мозги программу по генетике. И постараться не свихнуться при этом. В любом случае неделя уйдет на то, чтоб перестать мучиться от головной боли. Потому что на лицензионку и качественное обслуживание денег точно не хватит. Придется покупать левак.

Джозеф Горны сел на место, снял очки, протер их салфеткой, снова водрузил на нос, горько посмотрел на дочь.

– Ты авантюристка, Лина, – сказал он. Авантюристка по внутреннему складу, как и твоя покойная мать. Она развелась со мной, когда тебе было три года и погибла, когда тебе едва стукнуло четыре. Разбилась на машине, врезалась в дерево. Она всегда любила ездить с бешеной скоростью. Ты никогда не думала, что неприятности подстерегают нас на каждом шагу? Что жизнь – это смертельно опасная штука?

– Я знаю об этом, пап, – сказала Лина. – Знаю не хуже тебя.

День 3

Лина сидела в небольшом уютном французском ресторанчике на Джейсон-стрит. Сидела одна за столиком. Ловила на себе взгляды посетителей – холодные женские, заинтересованные мужские. Ресторан был не из дешевых, с хорошей кухней, с элитным вином, публика здесь преобладала далеко не бедная. Лина в своих кожаных джинсах и безразмерной футболке навывпуск смотрелась на общем фоне белой вороной. Пожалуй, она и вправду была похожа на марджа. Ну и пусть, и плевать. Просто у нее появилось достаточно денег, чтобы пообедать в приличном месте, и именно это она делает, потому что именно этого ей хочется.

Лина вспомнила, как пару лет назад она пыталась объяснить одному европейцу, туристу из Италии, что такое мардж. «Ну, понимаешь, Стефано, мардж – это маргинал. Он не хочет подчиняться обычному для большинства американцев порядку. Не хочет работать легально, не хочет платить налоги. В сущности, он уже добился всего в этой жизни – потому что у нашего крутого государства до фига денег, потому что оно имеет возможность платить марджам приличное пособие всю их жизнь». «У нас тоже есть безработные, тоже есть пособия» – отвечал итальянец. «Нет, Стефано. Мардж – не просто безработный. На самом деле у него есть работа, только она нелегальная. Марджи – это как бы отдельный класс, они презируют приличных людей, хай-стэндов – тех, кто живет по высокому стандарту. Марджи говорят, что Америка зашла в тупик. Что в нашей стране все слишком хорошо организовано. Что всеобщий электронный контроль убивает свободу. Поэтому марджи не пользуются кредитными картами, не работают в государственных компаниях, у них вообще все своё – свои фирмы, нигде не зарегистрированные, свой бизнес, свои кварталы, свой образ жизни». «Однако пособие они все-таки получают». «Получают. Попробовали бы не получать. Пособие – единственный способ государства получать о марджах хоть какую-то информацию. Если б марджи отказались от пособия, был бы прямой повод обвинить их в нелегальном бизнесе, а это уже преступление четвертой степени». «Разве вашему правительству не очевидно, что марджи – нелегалы?» «Предположим, очевидно. И что из того? Заводить уголовные дела на десятки миллионов американских граждан? Это разрушило бы стабильность страны. Поэтому все сохраняется так как есть – марджи маскируются под безработных, боссы из сената делают вид, что они этому верят».

Почему Лина так много думала о марджах в последнее время? Почему отрастила марджевские патлы? Потому что в том, что она затеяла сделать, ей могли помочь только марджи.

Деньги Тутмеса, вот о чем речь. На его счету осталась куча баксов. Тутмес сам сказал Лине об этом, дал ей свою карту с идентификационным номером – чувствовал, бедняга, что жить ему осталось недолго. Увы – то, что у Лины была карта, не значило ничего. Минимальное стандартное требование при снятии с банковского счета – отпечатки пальцев и рисунок сетчатки. Где их взять?

Лина знала, что такие проблемы решаемы. Решаемы нелегально, само собой. И, значит, ей предстояла веселенькая прогулочка на марджевскую Биржу. Лина передернула плечами, представив себе Синий Квартал – до сих пор она видела его только на фотографиях. Манера поведения марджей вгоняла хай-стэндов, к коим принадлежала Лина, в брезгливое оцепенение. Многие ее друзья (бывшие) время от времени использовали хитрые приемчики, чтобы спрятать часть заработанных денег от налогов. Использовали успешно. Но никто при этом и помыслить не мог, чтобы обратиться за помощью к марджу – маргиналу, отморожку со сдвинутыми набекрень мозгами.

Безупречно вышколенный гарсон принес заказ – салат "Beaucaille", фасолевый суп с сыром, бокал недорогого Совиньона. И всё. Лина могла бы заказать в три раза больше, как в старые добрые времена – флан из телячьих мозгов, и картофель в горшочке, и, конечно, нежно любимых бургундских улиток, и сожрать всё это (полнота ее фигуре не грозила), и выпить

бутылку элитного Шато Шеваль Блан, и сидеть, откинувшись на спинку, и сыто отрыгиваться, и думать о том, что жизнь по-прежнему прекрасна. Могла бы. Но не сейчас. Теперь такой заказ был ей не по карману.

Можно было сделать проще – пойти в Макдональдс и тупо слопать пару пару чизбургеров, запив их ядовито-оранжевой Фантой. Это сэкономило бы ее деньги. Тем более что в последний месяц и Макдональдс был для Лины роскошью, чаще она питалась дешевой полуфабрикатной дрянью, даже не удосужившись ее как следует разогреть – во-первых, разогревшись, дрянь начинала вонять еще противнее, во-вторых, желудку Лины было абсолютно безразлично, что в него пихали – детоксикация выводила из организма любые шлаки. Лина сидела в этом ресторанчике единственно из любви к хорошей кухне, из-за ностальгии о прошлой славной жизни.

Ей хотелось верить, что хорошая, беззаботная жизнь еще вернется. Но верилось с трудом.

БМВ удалось продать быстро и относительно удачно. Семнадцать процентов стоимости все-таки ухнули в карман скотине-посреднику. Но тратить несколько недель на то, чтобы попытаться продать тачку самой... Немыслимо. Лина нуждалась в деньгах – множестве наличных денег, чтобы было с чем отправиться на Биржу в Синий Квартал. Она получила их. И, значит, потеряла возможность тянуть дальше, убеждать себя, что сделает это позже, на следующий день, на следующей неделе. Деньги имеют свойство разлетаться. Откладывать больше нельзя – она сделает это сегодня.

Сегодня вечером. Биржа в Синем Квартале начинает работу в семь вечера. Марджи – существа ночные. Наверное, ночью лучше обтяпывать темные делишки.

Лина пощупала толстую пачку долларов в кармане джинсов, грустно вздохнула и принялась за салат.

* * *

Девять вечера. Лина вышла из полупустого вагона метро, изумленно оглянулась. Н-да, зрелище впечатляющее. Стены станций сабвея во всем городе были покрыты скользким пластиком, делающим бесполезной любую попытку рисовать на них – краска не держалась, стекла вниз, или, высыхая, облетала порошком. На станции «Марис парк 278» присутствовал все тот же пластик, однако изрисованный от пола до потолка. Неугомонные марджи и здесь нашли способ поглумиться над общественным порядком. Наверное, придумали специальную краску, разъедающую пластик и делающую его шероховатым. Неудивительно. Лина знала, что основу бизнеса марджей составляли новые технологии. Марджи лидировали во всех областях производства, не поощряемых официальной властью – синтетические психоделики, запрещенные генные присадки, биоклонирование, хакерские программы, новые виды личного оружия и средства защиты от нового оружия... Всё, что угодно. А еще Лина слышала, что крупным рынком сбыта этих технологий являлись многие крупные корпорации – законопослушные, платящие налоги и процветающие. Таким образом изобретения марджей выходили на свет божий. Лина не удивилась бы, узнав, что многое из современного альпинистского оборудования – того, чем торговал ее отец, – придумано именно марджами. Так уж повелось в последние двадцать лет – сообщество марджей генерировало идеи, которыми подкармливалась вся страна, а за это марджам прощались их маргинальность и неприличный образ жизни.

Граффити всех цветов радуги – какого цвета была стена изначально, теперь уже трудно понять. Причудливые рисунки, совсем не похожие на обычную заборную роспись бедных кварталов города. Густые джунгли в фиолетовых тонах, розовые листья, черные цветы. На ветвях деревьев, на лианах – птицы, покрытые кошачьим мехом, обезьяны с головами собак – морды повернуты в зал, смотрят на посетителей – немигающе, пристально, напряженно. И везде одна

лишь надпись, повторяющаяся сотню раз, разными шрифтами, буквами от мелких до гигантских: «Слушай свой лес». «Слушай свой лес». «Слушай свой лес».

Лина обнаружила, что не дышит уже минуту – задохнувшись от неожиданности, не в силах оторвать глаз от стен. Лес. «Закройте глаза и слушайте шум леса, – снова услышала она голос мертвого Тутмеса. – Рокот крон в высоте, песни лягушек, разговоры птиц, крики обезьян, шорох листвы под ногами... Это скажет вам о многом».

О Боже, почему лес покрывает эти подземные стены, почему здесь цветут безумные сюрреалистические джунгли? Что у марджей, детей технического века, обитателей бетонных коробок, общего с лесом? И причем тут Тутмес?

Про Тутмеса догадаться нетрудно – он наверняка немало времени провел в этих кварталах, недаром так хорошо разобрался в нестандартной, криминальной по сути генетике. Именно он привел сюда Лину – и странной жизнью своей, и ужасной смертью. Лина должна довести дело до конца. Должна – хотя бы в память Тутмеса, во исполнение последнего его желания.

Тутмес чувствовал бы себя здесь, в Южном Бронксе, как дома. Лина же не испытывала ничего, кроме неуверенности, дискомфорта и страха. Она, дитя американского порядка, никогда не оказывалась в столь чуждом порядке месте.

– Спокойно, спокойно, – тихо сказала она себе.

– Что, цыпа, вставляет живопись? – голос раздался сзади и Лина обернулась. Обладателем голоса оказался мардж лет сорока, ямайской внешности – густые косички-дреды до плеч, белая татуировка – концентрические круги на блестящей коричневой физиономии. Балахон до колен, расшитый бисером. И черные очки-гоглы, – матовые, кажущиеся непрозрачными, закрывающие треть лица.

– Да, клёво, – пробормотала Лина. – Кто это нарисовал?

– Старикан Рюбб. Веселый старикашка с железной ногой.

– Он сделал все это один?

– Ну как тебе сказать, цыпа... Во втором заходе мы ему помогли, конечно. Потому что Рюбб знал, что третьего захода не будет, торопился. Я тоже тут приложился, слегка поработал баллончиком. Схлопотал за это три месяца тюрьги, ну да это мелочь.

– Тюряга? За что?

– А вот за это самое. – Человек махнул рукой. – Порча имущества и всякой там хрени, преступление четвертой степени. А вот Рюбб, сталбыть, приложился к стене во второй раз, сталбыть, рецидив, уже на третью степень потянуло. В первый раз он один пробовал все это дело расписать, шесть часов проработал, потом какой-то сволочной брейнвош стуканул в полицию, старика загребли и отправили париться за решетку. Рюбб знал, что во второй раз ему впаяют гораздо больше. Но в том, что разрисует всю станцию, не сомневался. Бзик у него такой был – хоть тресни, но чтоб был здесь вот лес, и было всем от этого счастье. Когда он вышел, то на рожон лезть не стал, подготовил все как следует. Старикан туго знал свое дело. Наварил триста фунтов краски, разлил ее по баллонам, нанял сорок пять сликков – тех, кто рисовать умеет. Каждый знал свой фрагмент, эскиз у него был, чего там рисовать и все такое. И в два ночи, когда станция закрылась и копы ушли в постельку, мы срезали замки, вошли сюда и рисовали до самого утра. А утром нас всех повязали. Сорок пять людей, и ни одним меньше. Было это два года назад. Мы все вышли очень скоро, а Рюббу выписали тройак. Только он перехитрил всех уродов – откинулся раньше времени.

– Как – откинулся?

– А так. Отбросил копыта прямо в бостонской тюрьге. Две недели назад это случилось. Сталбыть, ушел старик в свой лес из этой земной хрени. Давай помянем его, цыпа.

Человек полез в складки своего пестрого балахона и выудил помятую армейскую фляжку. Отвинтил пробку, присосался к горловине толстыми губами, с трудом оторвался, занюхал рукавом. И протянул фляжку Лине.

– На, хлебни, цыпа, за упокой Рюбба. Славный был придурок.

– Нет, спасибо, – вежливо сказала Лина.

– Что значит спасибо? – набычился ямаец. – Ты не думай, тут нормальное пойло, крепкое, градусов семьдесят, спирт с канабисом. Сам делал. Вставляет по полной программе.

– Не хочу. Я пойду, у меня дела.

– Куда пойдешь?

– Не твое дело, мардж, – надменно сказала Лина.

И тут же схлопотала оглушительную пощечину. И полетела на пол.

– Сука! – Ямаец навис над ней, брызгая слюной. – Кто здесь «маргарин»? ⁵ Кого ты марджем назвала? Сука, брэйнвошка поганая! Одедась как слик, думала, не узнают тебя, да? Зачем сюда приплелась? Шпионить, да? Я те пошпионю щас!

Лина отползала по полу назад, а мардж шел за ней, размахивал кулаками. Немногочисленный марджевский народ на станции уже обратил на них внимание, но никто не спешил на помощь – стояли поодаль, жлобы, ухмылялись – видать, обычное дело, честный чувак дубасит чужую бабу, что тут такого...

Вот попала... Лина готовилась тщательно, нарядилась в полноценный марджевский прикид. И вот тебе на – схлопотала от первого же попавшегося марджа по морде. Что теперь делать? В драку ввязаться? Затопчут на месте. Попытаться удрать? Вряд ли получится – пространство закрытое, кто-нибудь непременно подставит подножку.

Мардж наклонился, схватил Лину за плечи, рывком поставил на ноги, размахнулся для очередной оплеухи... Лина ударила первой – рефлексы сработали молниеносно, сделали свой выбор, решили всё за нее. Кошачий удар лапой по морде – отвертки выскочили из кончиков пальцев, прочертили на бело-коричневой щеке марджа четыре кровавых линии.

Мардж завопил так, что заложило уши, бросился в атаку разъяренным носорогом. Лина повернулась и побежала. Все-таки побежала. Что еще ей оставалось делать?

Будь станция пустой, она успела бы. Домчаться до неработающего эскалатора, пронестись по нему, Трудно, неудобно перебирать по ступенькам со пальцеглазковой скоростью, но все же возможно. А дальше улица, хрен ее там догонишь.

Как же, дали ей убежать... От стайки бездельников, стоящих на левом фланге, отделился странно одетый типчик (Лина еще не осознала, что странного в его прикиде, не было у нее на то времени), бросился наперерез. Лина вильнула в сторону, но человек, проявив прыть, успел схватить ее за руку, вцепился как клещ. Лину развернуло по инерции, она увидела, как набегает ямаец – потный, окровавленный, пыхтящий. Лина рванулась, закричала, ямаец радостно осклабился, в лапе его появился нож. И тут тип, поймавший Лину, совершил сложный акробатический трюк. Не отпуская девушку, он прыгнул и в полупируэте въехал ямайцу обеими ногами в грудь, сшиб его на полном скаку. Мардж отлетел на два метра, рухнул на пол, сложился пополам в кашле. Пленитель же Лины приземлился – аккуратно, словно тренировался в выполнении исполненной комбинации всю жизнь, полы его расстегнутого черного пиджака вернулись на положенное место. Он отпустил руку Лины, поправил галстук-бабочку, слегка скособочившуюся после умопомрачительного прыжка, и сказал:

– Стой тут, детка, не беги. Не надо бежать. Это не соответствует этическим принципам сликков.

– Что? – хрипло переспросила Лина. Удары сердца молотками бухали в ее ушах. Она не понимала ни черта.

– Ты совершила необдуманный поступок – раскровянила морду Дирсу. Сликки не любят, когда брэйнвоши распускают руки на их территории, сие позволительно только копам. Поэтому у тебя, сладкая леди, есть хороший шанс поломаться и попасть в больницу. Или даже не доехать

⁵ Marge (англ.). – маргарин, а также сокращение от слова marginal – предельный, маргинальный.

до больницы, умереть по дороге от множественных травм, несовместимых с жизнью. Слушай меня, сладкая леди: я благородно предлагаю тебе свою помощь. Не рекомендую отказываться.

Толпа уже подходила с двух сторон – не спеша, в полном понимании, что Лина и ее неожиданный защитник никуда не денутся, не удерут. Иные из марджей пощелкивали пальцами, разминая кисти, крутили головами, массировали на ходу шеи. Очень походило на подготовку к большой драке.

Лина никак не могла перевести дыхание. Мозг ее судорожно просчитывал варианты спасения: короткий разбег – большой прыжок через головы сволочной толпы – вниз, в поездную яму – не попасть на контактный рельс – мощный забег в тоннель – до следующей станции, до приличной станции – за ней не погонятся, зачем им лезть под колеса метро – дай Бог ей самой выжить, успеть прижаться к стене, когда ревущие составы будут проноситься мимо...

– Умник, – сказал человек. – Меня зовут Умник. А тебя бы я с удовольствием назвал мудилкой, потому что ты того заслуживаешь. Как тебя зовут, детка?

– Лина. Лина. И я не дура.

– Я не сказал, что ты дура. Сказал – мудилка. Это нечто иное. Это не говорит о твоих слабых интеллектуальных способностях. Мудак – означает то, что ты оказалась в чуждом тебе сообществе. Для тебя мудак – все они, долбанутые марджарины, не умеющие себя вести прилично. Для них мудилка – ты, красивая тупая брейнвошка. Вы всегда будете мудаклами друг для друга, пока научитесь слышать друг друга.

– Что мне делать?

– Заткнуться, сладкая леди. Не говори не слова. Я все скажу сам.

– Эй, Умник, – крикнул один из марджей, остановившихся полукругом на дистанции в три метра. – Что дальше? Ты ведь не дурак, Умник? Ты понимаешь, что бабок у тебя не хватит, чтоб раскрыситься? Ты отдашь нам цыпу, да?

– Не, не отдам, – лениво, спокойно сказал Умник. – Цыпа хорошая. Возьму ее себе.

– Поллимона, – крикнул мардж из толпы. – Поллимона наличкой, не меньше, ей-бо! Тебе год горбатиться за эти бабки! Подумай!

– Не хрен думать, – Умник ослабил во весь рот, блеснул зубами. – Считай, деньги уже в сундуке.

– А если я перешибу?

– Не перешибешь, Бантах, – Умник качнул головой. – Не форси, братишка. Я думаю, тебе все уже ясно. Деньги будут в сундуке. Хорошие деньги.

– Тут кое-кому неясно, что с Дирсом. Как ты с ним разберешься? Сколько он с тебя запросит? Возмет немало, я думаю. Ты вмазал ему без предупреждения...

Ямаец Дирс между тем медленно, тяжело придавал своему телу полугоризонтальное положение. Очки слетели с его физиономии и разбились, дреды пришли в окончательную путаницу, кровь перестала течь – запеклась, покрыв левую щеку блестящей бурой коркой. Тем не менее Дирс находил в себе силы махать рукой корешам, находящимся в толпе, и складывать бублик из большого и указательного пальцев, что со всей очевидностью означало: «Щас очухаюсь и разнесу малохольного Умника и его плохую цыпу на гамбургеры».

– Остынь, Дирс, – сказал Умник. – Куплю тебе новые гоглы – лучше, чем то дерьмо, что у тебя было, но не самые продвинутые, не надейся. Плюс десять тысяч. На большее не рассчитывай. Просто не рассчитывай, понял? Если есть возражения – объявляй вендетту второй степени. Второй, не больше. Если больше – разбираемся здесь и сейчас. И ты – труп через тридцать секунд. Ты меня знаешь, Дирс.

Бублик Дирса увял и распался на отдельные фаланги. Дирс полез за фляжкой, умудрившейся не потеряться во время сокрушительного полета на пол, присосался к ней надолго – булькал, пока не опустошил до дна. После чего просипел:

– Ладно. Заметано. Ты, Умник, сталбыть, попал на вендетту второй степени. Честные слики в свидетелях. Два месяца, как положено. Ты в курсе. И гоглы за тобой, Умник. Сегодня же. Ты знаешь, я без них как без глаз.

– Заметано, – бросил Умник. – Время пошло. Очки тебе доставят через два часа, жди. Все, я пошел.

Он цапнул Лину за руку и двинулся вперед. Толпа расступалась перед ним.

– Куда? – шепнула Лина. – Куда мы идем?

– Заткнись, – прошипел Умник. – Просто заткнись, понятно?

– Сундук! – крикнул кто-то из наблюдателей. – Поллимона в сундук, мы проверим!

Умник не ответил, только саркастически хмыкнул.

* * *

Лина и Умник сидели в ста метрах от выхода из станции, на скамейке – полуразвалившейся, чудом держащейся на ржавых чугунных ногах. Лина озиралась с опаской и брезгливостью – давно она не видела столь грязного места. Унылые стены домов – когда-то действительно выкрашенные в разные оттенки синего, ныне же облупленные, покрытые лишайными пятнами старых надписей и язвами облупившейся штукатурки. Окна – иные с уцелевшими стеклами, но большей частью разбитые либо закрытые фанерными щитами. Ряд древних бензиновых машин вдоль улицы – покоробленные бесколёсные остовы, трупы автомобилей. Ветер гнал по асфальту бумажные пакеты и пластиковые пакеты. И окурки, сплошной слой окурков под ногами. Похоже, здесь не убирались последние лет двадцать.

– Мрачно тут у вас, – сказала Лина. – Да что там мрачно – страшно. В голове просто не укладывается, как вы тут живете.

– Нормально живем, – Умник дотянул сигарету в две затяжки и шелчком отправил бычок в кучу мусора. – Понимаешь, если разрешить брейнвошам убираться на наших улицах, то они потом и внутрь домов захотят заглянуть. А нам это нужно – чтоб в наши дела нос совали? Нам это не нужно.

– Почему со мной так случилось? Почему этот урод на меня напал? Я же ему ничего не сделала. Что, всех людей из приличных кварталов сразу начинают метелить, так вот, как меня?

– Ты неправильно пришла. Так нельзя. Чужие люди не приходят сюда в одиночку, особенно в первый раз. Нужен провожатый. Здесь бывает много чужих людей. Они ходят на нашу Биржу, делают с нами бизнес. Но они не знают правил – во всяком случае, всех наших правил. Поэтому если какой-нибудь чувак из хай-стэндовской братии хочет придти в Синий Квартал, он заходит на один из сликовских сайтов, находит себе гида, платит ему бабки, встречается с ним на нейтральной территории, там гид берет чувака за ручку и ведет сюда. Лично. И тогда все проходит без эксцессов, детка. Гид отвечает за приличного чувака – и головой и деньгами. Это бизнес, детка.

– А у вас есть сайты? – удивилась Лина. – Я слышала, что марджи... ой, извини, слики вообще не пользуются интернетом.

– Ты слышала чушь, детка. При сликов говорят много всякой дури. Слики пользуются сетью. Только у сликов – свои выходы в сеть, платить за это дело мы не любим. Тот же Дирс, например, из сети не вылезает – весь день шляется в своих гоглах, в экран пялится, на стены сослепу натывается. Он, видите ли, изображает, что зарабатывает таким образом деньги. На самом же деле торчит на халявных порноресурсах и ловит тупой кайф дровичлищика.

– Вендетта. Он сказал – вендетта.

– Это я сказал. Разрешил ему объявить. Пусть Дирс потешит свое потрепанное самолюбие.

– И что, теперь он будет пытаться тебя убить?

– Теоретически такое возможно... – Умник усмехнулся, снова полез за сигаретой. – Если бедолага Дирс вдруг спяну решит, что он достаточно крут и может поднять на меня руку, то на свете станет одним бедолагой меньше. По отношению к Дирсу – своего рода гуманный акт, санитарная миссия, одноразовая акция по уборке говна. Только он не осмелится, увы. Такие доходяги цепляются за свою вшивую жизнь до последнего. А поэтому поговорит недельку о вендетте со своими корешами, помашет кулаками, выпустит пар да и забудет. Мне в этом году вендетту уже три раза объявляли. Один раз третьей степени – то есть чувак мог охотиться на меня аж четыре месяца подряд и стрелять из укрытия. Чувак был очень зол, настроен был серьезно. Я подпортил ему бизнес, он разорился. Тупо, конечно, с его стороны было объявлять мне серьезную вендетту. Но он так решил – ему было виднее. Решил угробить меня насмерть. Думал, наверное, что после этого его бизнес наладится. Забавно люди устроены...

– Ну и что? – Лина смотрела на Умника округлившимися глазами.

– Он умер. На следующий день после объявления вендетты он сидел у окна на шестом этаже на Сто шестьдесят третьей улице с винтовкой в лапах и ждал, пока я пройду мимо. Потом он выпал из этого самого окна вместе со своей винтовкой – очень удачно, сразу сломал себе шею и совсем не мучился. Я положил на его могилку четыре синих незабудки. Даже дал немного денежек на похороны.

– Почему он упал?

– Я ему помог, – незатейливо объяснил Умник. – Он действовал как истый японец – сидел у реки и ждал, пока мимо проплывет труп его врага. Собственно говоря, япошкой он и был, звали его Мияваки. А я – не японец, некогда мне ждать, дело страдает. Пришлось решать проблему быстро и без сантиментов.

– И что, полиция тебя не забрала? Как она вообще относится к этой вашей вендетте?

– Я думаю, копы были бы счастливы, если бы все слики объявили друг дружке вендетту и перешлепали друг друга из пушек. Нет сликов – нет проблемы, да? Только так не получится, детка. Лет двадцать пять назад, говорят, здесь шла настоящая война – чуваки палили из стволов на каждом шагу. Говорят... Меня здесь тогда не было. Когда я пришел сюда, все давно устаканилось. Теперь все здесь решают деньги, леди Лина. Денежки, бумажки хрустящие и нехрустящие. В сущности – то же самое, что и у вас, хай-стэндов, приличных человечков. Манимани. Пусть мы не платим налогов, но зато помогаем делать большие бабки тем, кто налоги платит. За это нас терпят, леди Лина. За это нам дают жить.

– Ты говоришь, что пришел сюда. Разве ты не родился здесь?

– Здесь? – Умник осклабился. – В этих кварталах дети почти не рождаются. Здесь мало бабенок, преобладают особи мужского пола, но и те телки, что есть, непригодны для деторождения. Все накачаны дрянью – как минимум стимуляторами, большая часть народа – геноприсадками, про наркотики вообще молчу, они здесь вместо чая на завтрак. Кого могут родить такие телки? Только разве что слоников, мутантов. – Умник помахал пальцем у носа, изображая, очевидно, хобот. – Поэтому народец в основном пришлый. Сумел выжить год – считай себя сликом. Или марджем, как принято говорить у вас, промытых. Или маргиналом. Или Альбертом Эйнштейном, скрещенным с Рафаэлем Санти – это уж насколько шизы хватит. Настоящих сликов немного, и живут они недолго, быстро погибают, не оставив после себя потомства. Так-то вот, сладкая леди.

– А ты откуда пришел? – спросила Лина, не в силах справиться с любопытством.

– Оттуда, – Умник показал большим пальцем за спину. – Из другой страны, не Америки. Более точной информации дать не могу, извини. Еще спроси, как меня зовут на самом деле...

– Понятно. И ты тоже это... Сидишь на наркотиках?

– Ну уж нет, – Умник сморщился, словно его угостили незрелым лимоном. – Я не больной, понятно, детка? – Умник постучал себя по черепу, издав гулкий звук с металлическим оттенком. – Времени на дурь у меня нету. Я пришел, чтобы делать здесь бизнес – такой, какой в

других частях вашей долбаной приличной Америки не сделаешь. И делаю свой бизнес. А когда заработаю денег достаточно, то вернусь в свою страну, куплю домик, заведу большую клумбу хризантем, жену и кучу сопливых белобрых деток. Вот такая у меня мечта, не смейся. А чтобы родить нормальных деток, нельзя употреблять всякую дурь. Ты не смеешься, детка? Не вздумай смеяться, а то и в рожу схлопотать можно...

– Не смеюсь я, – сказала Лина. – Я – нормальная детка.

Пожалуй, Умник скорее нравился ей, чем не нравился. То, что он говорил, звучало неправдоподобно процентов на пятьдесят. Но с остальной полусотней процентов вполне можно было примириться – если обладать должным чувством здорового шизофренического юмора.

– Не вздумай смеяться, – повторил Умник. – Тут брались некоторые надо мной смеяться...

– Слушай, – спросила Лина, – сликам вообще можно верить? Вот тебе – можно?

– Мне – можно, – уверенно сказал Умник. – Кому ж еще верить, если не мне?

– Почему я должна тебе верить?

– Потому что я чувак высшей категории, – заявил Умник, – слик элитного разлива, типа французского вина Шато Шеваль Блан, понятно?

– Понятно.

Лина вздрогнула. Умник назвал именно то вино, о котором она думала сегодня днем, которое хотела заказать, но не могла себе позволить. Совпадение почему-то не показалось ей забавным – скорее жутковатым.

– Стики все разные, – продолжил Умник. – Хотя все здесь называют себя братьями и сестрами, считаются равными, но реально существуют люди высшего сорта, всюю работающие мозгами и делающие дело, слики средней руки на подхвате – торгаши, дилеры, механики, биотехники и так далее, и, наконец, низший класс – всякая обдолбаная шваль, типа этих придурков Дирса и Бантаха, коя пасется по подворотням, лопает дешевый спирт с коноплей и живет только за счет сундука.

– Сундук – это что? – спросила Лина.

– Общественная касса. Кварталы сликов – большая коммуна. Многие здесь когда-то неплохо мыслили, производили качественный продукт, но со временем скурвились, сели на наркотики, пропили-прожрали все, что имели. Мы не можем выгнать их – наши правила не позволяют бросать братьев. Поэтому слики обложены внутренними налогами. Приходится платить за многое. В сущности, ничего оригинального. Всё так же, как и в большой Америке – те, кто может работать, кормят оглоедов и раздолбаев. К счастью, раздолбаи живут недолго. Однажды приходит овердоз, и их высохшие душонки отправляются в наркоманский рай.

– А чего Дирс так психанул, когда я назвала его марджем?

– Никогда не называй марджа марджем. Назовешь – снова огребешь неприятности. Мы – слики, только так. Мы – самые хитрожопые на этой планетке⁶. Самые умные. Вам, брэйнвошам, с нами не тягаться.

– Значит, я – брэйнвош?

– Все в этой чертовой стране – брэйнвоши. Промытые⁷. Все, кроме сликов.

– Я нормальная, – твердо сказала Лина. – Никто не промывал мне мозги, не было такого. Я делаю то, что хочу, и черта с два кто заставит сделать меня другое.

– Значит, ты явный кандидат в слики.

– Сомнительный комплимент.

– Ты кандидат в слики, леди Лина, точно тебе говорю. Ты уже пришла сюда, в Синий Квартал – полагаю, именно для того, чтобы сделать то, что тебе нужно, чтобы обойти законы,

⁶ Slick – хитрый (англ. сленг.).

⁷ Brainwashed – человек с промытыми мозгами (англ. сленг.).

написанные высокомерными ослими – рабами, полагающими себя свободными людьми. Рабами своих электронных счетов. У тебя есть электронный счет, леди Лина?

– Есть. Но он пуст.

– У тебя есть работа, леди Лина?

– Нет.

– Ты уволилась, – уверенно заявил Умник. – Тебя не выгнали, ты уволилась сама, потому что тебе до смерти надоело вариться в общем супе, в компании, где про тебя известно всем и вся, где ты шагу не можешь сделать, не приложившись пальчиками к детектору и не поморгав голубыми глазками в сраный сканер для чтения сетчатки. И это значит, что ты вылетаешь из обоймы, из родного для тебя социума – по собственному желанию. Вылезаешь из душащих тебя плодных оболочек, чтобы родиться снова – более свободной. А также это означает, что ты становишься маргиналом, бродишь по краю своей социальной группы и размышляешь, куда прилепиться, чтоб не прогадать при том всю свою жизнь. Потому что маргиналы, несмотря на всю свою неприкаянность, тоже хотят жить. И жить, при возможности, хорошо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.